

No. 2 / 2020

Семейное и Правовое Журналистское

СЕМЕЙНОЕ № 2 • 2020 И ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций от 12 сентября 2008 г. Рег. ПИ № ФС-7733088. Журнал выходит с 2003 г. Издаётся 3 раза в полугодие.

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Главный редактор журнала:

Крашенинников П.В., д.ю.н.,
профессор, заслуженный юрист РФ

Зам. главного редактора журнала:

Гонгало Б.М., д.ю.н., профессор;
Михеева Л.Ю., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ

Ответственный редактор журнала:

Чашкова С.Ю., к.ю.н., доцент

Редакционный совет:

Алябьева И.И., к.ю.н.;
Беспалов Ю.Ф., д.ю.н., профессор;
Блинков О.Е., д.ю.н., профессор;
Веняляйнен М., д.общ.н.;
Гетман Е.С., к.ю.н.;
Ключникова Я.А., к.ю.н.;
Косова О.Ю., д.ю.н., доцент;
Левушкин А.Н., д.ю.н., доцент;
Манылов И.Е., к.ю.н.;
Низамиева О.Н., к.ю.н., доцент;
Пчелинцев С.В., д.ю.н.;
Пчелинцева Л.М., д.ю.н., профессор;
Рабец А.М., д.ю.н., профессор;
Самойлов А.С., д.ю.н., профессор;
Тоцкий Н.Н., к.ю.н.;
Трунцевский Ю.В., д.ю.н., профессор;
Чефранова Е.А., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ;
Шелютто М.Л., к.ю.н.

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор,
чл.-корр. РАО, заслуженный юрист РФ

Редакция:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

Верстка:

Калинина Е.С.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Центр редакционной подписки:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный).

Адрес редакции / издательства:

115036, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
Тел.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru, www.lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.
Журнал включен в базу данных Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)

Подписка по России:
«Объединенный каталог. Пресса России» – 15105,
а также через www.lawinfo.ru.

Отпечатано в компании
«Национальная полиграфическая группа».
Адрес типографии: 248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.
Номер подписан: 01.04.2020.
Дата выхода в свет: 15.04.2020.
ISSN 1999-477X
Цена свободная.

Формат 60x90/8.
Печать офсетная. Физ. печ. л. 6,0.
Общий тираж 3000 экз.

© ИГ «Юрист», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

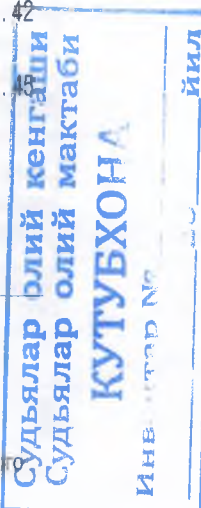
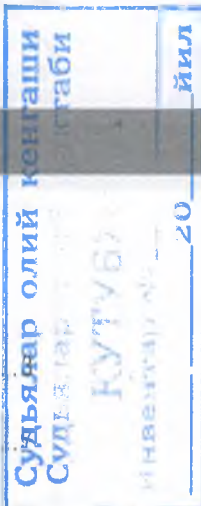
- Лобурев С.Н.** Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния: ожидания против реальности 11
- Матвеева Н.А., Воеводина А.И.** Может ли участие в митинге рассматриваться как основание лишения родительских прав? 12
- Микрюков В.А.** О недопустимости аналогии закона в механизме ограничения прав усыновителей 11
- Сауткина Е.А.** Супруги как единый субъект права в контексте реализации их способности к правопреемству посредством совместного завещания супругов 15
- Трофимец И.А.** Брак как основание приобретения гражданства (на примере Королевства Испания) 18
- Чашкова С.Ю.** Номинальный счет как способ защиты прав подопечных 21
- Шиманчик К.В.** К вопросу о лишении родительских прав как крайней меры семейно-правовой ответственности 26

ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

- Киракосян С.А.** Баланс интересов сторон договора управления многоквартирным домом по вопросу платы за содержание жилого помещения 30
- Лизунов А.С.** Реализация принципа неприкосновенности жилища в деятельности правоохранительных органов 34
- Смолина Л.А., Фролова С.В.** Право пользования жилым помещением бывших членов семьи собственника: сравнительный анализ российского и английского законодательства 38
- Трачук О.В.** К вопросу об обеспечении жилым помещением несовершеннолетнего ребенка при расторжении брака 42
- Ходырева Е.А.** Жилое помещение как объект выморочного наследства 42

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов без письменного разрешения редакции преследуется по закону.

FAMILY AND HOUSING LAW

№ 2 • 2020

RESEARCH AND PRACTICE, INFORMATION JOURNAL. REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR SUPERVISION IN THE SPHERE OF COMMUNICATIONS AND MASS COMMUNICATIONS OF SEPTEMBER 12, 2008. REG. PI №. FC-7733088. PUBLISHED SINCE 2003. PUBLISHED MONTHLY

Publisher: Jurist Publishing Group

Editor in Chief of the journal:

Krashennikov P.V.,
LL.D., Professor, Honored lawyer of the RF

Deputy Editors in Chief of the journal:

Gongalo B.M., LL.D., Professor;
Mikheeva L.Yu., LL.D., Professor,
Honored lawyer of the RF

Executive editor of the journal:

Chashkova S.Yu., PhD (Law), Associate Professor

Editorial Board:

Alyabyeva I.I., PhD (Law);
Bespalov Yu.F., LL.D., Professor;
Blinkov O.E., LL.D., Professor;
Venyalyaynen M., doctor of social sciences;
Getman E.S., PhD (Law);
Kluchnikova Ya.A., PhD (Law);
Kosova O.Yu., LL.D., Associate Professor;
Levushkin A.N., LL.D., Associate Professor;
Manylov I.E., PhD (Law);
Nizamieva O.N., PhD (Law), Associate Professor;
Pchelintsev S.V., LL.D.;
Pchelintseva L.M., LL.D., Professor;
Rabec A.M., LL.D., Professor;
Samoylov A.S., LL.D., Professor;
Totsky N.N., PhD (Law);
Truntsevsky Yu.V., LL.D., Professor;
Chefranova E.A., LL.D., Professor, Honored lawyer of RF;
Shelutto M.L., PhD (Law)

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., Professor,
corresponding member of the RAE,
Honored lawyer of the RF

Editorial Office:

Lapteva E.A., Solovyova D.V.

Layout:

Kalinina E.S.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Editorial Subscription Centre:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel).

Correspondence Address:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamiyanskaya Emb.,
Moscow, 115036. Tel.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru, www.lawinfo.ru

Authors shall not pay for publication of their articles.

The journal is included in the database
Russian science citation index

Subscription in Russia:

Unified Catalogue. Russian Press – 15105,
and on www.lawinfo.ru

Printed by National Polygraphic Group Ltd.,
2, Svetlaya st., Kaluga, 248031. Tel.: (4824) 70-03-37

Passed for printing: 01.04.2020.

Edition was published: 15.04.2020.

ISSN 1999-477X

Free market price. Size 60x90/8.

Offset printing. Printer's sheet 6,0.

Circulation 3000 copies.

CONTENTS

FAMILY LAW

- Loburev S.N.** The Unified State Civil Register: Expectations vs. Reality... 3
- Matveeva N.A., Voevodina A.I.** Can Participation in a Rally Be Viewed as a Basis for Deprivation of Parental Rights? 7
- Mikryukov V.A.** On Inadmissibility of a Legal Analogy in the Mechanism of Limitation of Adoptive Parents' Rights 11
- Sautkina E.A.** Spouses as a Single Subject of Right within the Framework of Implementation of Their Capability for Legal Succession through a Joint Will of Spouses..... 15
- Trofimets I.A.** Marriage as a Basis for the Acquisition of Citizenship (on the Example of the Kingdom of Spain) 18
- Chashkova S.Yu.** A Nominal Account as a Means of Protection of Rights of Persons under Wardship 21
- Shimanchik K.V.** On Deprivation of Parental Rights as an Extreme Measure of Liability under Family Law 26

HOUSING LAW

- Kirakosyan S.A.** A Balance of Interests of Parties to an Apartment Block Management Agreement with Regards to the Issue of Payment for Maintenance of a Residential Premise 30
- Lizunov A.S.** Implementation of the Principle of Inviolability of Residence in Activities of Law Enforcement Authorities..... 34
- Smolina L.A., Frolova S.V.** The Right of Former Members of the Owner's Family to Use a Residential Premise: Comparative Analysis of Russian and English Laws..... 38
- Trachuk O.V.** On Provision of a Residential Premise to a Minor Child upon Marriage Dissolution 42
- Khodyreva E.A.** A Residential Premise as an Object of Escheated Estate 45

The journal is recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the RF for publications of basic results of PhD and doctoral theses.

Complete and partial reproduction of authors' materials without prior written permission of the Editorial Office shall be prosecuted in accordance with law.

DOI: 10.18572/1999-477X-2020-2-3-6

Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния: ожидания против реальности

Лобурев Сергей Никитович,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
ser-loburev@yandex.ru

В статье проводится анализ деятельности органов ЗАГС до и после введения Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния, рассматриваются проблемы, с которыми заявители и органы ЗАГС столкнулись в процессе эксплуатации ЕГР ЗАГС.

Ключевые слова: Единый государственный реестр, органы ЗАГС, технические проблемы, свидетельство, федеральный регистр.

The Unified State Civil Register: Expectations vs. Reality

Loburev Sergey N.
Postgraduate Student of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

The article analyzes the activities of civil registry offices before and after the introduction of the Unified State Register of Civil Status Acts, discusses the problems that applicants and civil registry offices have encountered during the operation of the Civil Registry Office.

Keywords: Unified state register, registry offices, technical problems, certificate, federal register.

Прошел год с момента ввода в эксплуатацию на территории Российской Федерации федеральной государственной информационной системы ведения Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния (далее – ФГИС «ЕГР ЗАГС»). Данное событие не получило достаточного освещения в прессе и практически осталось незамеченным, на что есть достаточно серьезные причины, которые будут рассмотрены ниже.

Органы ЗАГС получили свой долгожданный федеральный электронный реестр последними из регистрационных органов: органы по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним начали осуществлять регистрацию с 1998 г., ФНС России по госрегистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей ведут свои реестры с 2002 г., а органы ЗАГС – только с 1 октября 2018 г.

Если сравнивать органы ЗАГС с органами по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, получившие практически одновременное правовое регулирование в 1997 г.¹, последние с тех пор

прошли значительный путь в своем развитии: от функционирования локальных электронных баз в некоторых субъектах РФ, в которых уже тогда производилась регистрация прав, сделок, ограничений (в г. Москве – в Московской регистрационной палате, в Московской области – в Московской областной регистрационной палате), создания федеральной сети органов регистрации прав на территории всей страны с ведением Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним до слияния двух баз данных: кадастра недвижимости и Единого государственного реестра прав, и создания на их базе Единого государственного реестра недвижимости, что является логичным и правильным продолжением реформ в данной области. Однако в данный момент практическая реализация объединения двух разных типов реестра оказалась далека от реальности, возникли огромные технические сложности в реализации данной идеи, что требует в том числе внесения значительных изменений в действующий Федеральный закон от 13 июля 2015 г.

¹ Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // СПС «КонсультантПлюс». (Далее – Закон № 143-ФЗ.);

Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // СПС «КонсультантПлюс».

№ 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», являющийся вторым законом, регулирующим правоотношения в данной области.

В отличие от органов Росреестра органы ЗАГС почти 20 лет находились на «задворках», в том числе и технических новшеств, которые развивались обособленно от других регистрационных органов страны и выбивались из системы данных органов, что не позволяло производить полноценное электронное и иное взаимодействие между ними. В некоторой степени это имеет место и в настоящее время в связи с тем, что органы ЗАГС являются децентрализованными, обособленными органами, действующими внутри субъекта РФ, входящими в систему исполнительных органов субъектов РФ и не имеющими своего центрального органа на федеральном уровне, не имеющими общей федеральной сети органов, при этом осуществляющими государственную функцию по госрегистрации актов гражданского состояния. На территории 85 субъектов РФ велось 6400 локальных не связанных между собой баз данных. Е.А. Кириллова в своей статье 2017 г. подтверждает данный факт: «...в каждом субъекте РФ записи актов гражданского состояния ведутся в разных программах, в локальных информационных ресурсах, отсутствуют единые стандарты программного обеспечения, а между территориальными органами ЗАГС нет электронного взаимодействия, все это приводит к ошибкам в информации, которую используют органы власти и нотариат»².

В этом, по мнению автора, кроется одна из главных причин «отсталости» этих органов от других регистрационных органов, изначально неправильно созданная конструкция органов ЗАГС на территории такой огромной страны вылилась в проблемы функционирования и невозможность встроиться в систему государственных органов страны.

Однако времена изменились, когда Президент РФ³ в 2016 г. решил реформировать и тем самым разрешить данную проблему децентрализованности созданием ФГИС «ЕГР ЗАГС», которая должна была стать тем объединяющим моментом, позволяющим хотя бы электронно объединить работу органов ЗАГС в 85 субъектах РФ и встроить их в систему остальных федеральных органов. Создана новая нормативная база, регламентирующая деятельность ЕГР ЗАГС, приняты десятки нормативных актов.

Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 472-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об актах гражданского состояния” и Федеральный закон “О внесении изменений в Федеральный закон “Об актах гражданского состояния”» срок первоначального ввода в эксплуатацию

ФГИС «ЕГР ЗАГС» с 1 января 2018 г. по техническим причинам был перенесен на 1 октября 2018 г.

Несмотря на принятые меры: обучение около 15 тыс. сотрудников органов ЗАГС работе в ФГИС «ЕГР ЗАГС», девятимесячная доводка программного обеспечения, наладка каналов связи, ФНС России, как оператором ФГИС «ЕГР ЗАГС», было принято решение ввести реестр в эксплуатацию с 1 октября 2018 г., понимая, что система в целом не доработана, многочисленные технические проблемы функционирования системы не разрешены. Вторичный перенос сроков был невозможен, что привело к следующим негативным последствиям для заявителей. На протяжении всего года фиксировались массовые сбои в работе ФГИС «ЕГР ЗАГС» по всей стране⁴, многочисленные очереди заявителей, увеличение времени обслуживания одного заявителя от 30 мин. до 2 час.⁵ при норме предоставления услуг не более 15 мин., неполучение в срок заявителями свидетельств о госрегистрации актов гражданского состояния. Это привело к многочисленным жалобам заявителей в Минюст России. Территориальные органы Минюста России реагировали на данную ситуацию в течение года: проведением совещаний⁶, видеоконференций⁷, размещением на своих сайтах предупреждений⁸ о нестабильно работающей ЕГР ЗАГС и увеличении сроков предоставления услуг по госрегистрации актов гражданского состояния.

В первые месяцы работы системы из-за многочисленных технических сбоев зафиксированы случаи регистрации актов гражданского состояния без ввода информации и распечатки свидетельств о госрегистрации актов гражданского состояния из ЕГР ЗАГС. В некоторых субъектах РФ после 1 октября 2018 г. продолжалась работа органов ЗАГС в их региональных базах данных, заполнение свидетельств о госрегистрации актов гражданского состояния производилось ручным способом, с помощью текстовых редакторов, с последующим внесением информации в ЕГР ЗАГС, что было делать категорически запрещено. До настоящего времени многочисленные технические проблемы функционирования ЕГР ЗАГС не разрешены, не налажено полноценное взаимодействие органов ЗАГС через ЕГР ЗАГС с другими органами ЗАГС и органами государствен-

² Кириллова Е.А. Электронное взаимодействие нотариата с Единым государственным реестром ЗАГС: новеллы законодательства // Нотариус. 2017. № 5. С. 32.

³ Указ Президента РФ от 15 января 2016 г. № 13 «О дополнительных мерах по укреплению платежной дисциплины при осуществлении расчетов с Пенсионным фондом Российской Федерации, Фондом социального страхования Российской Федерации и Федеральным фондом обязательного медицинского страхования» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ 16 июля 2019 г. В работе компьютерной системы ЗАГС по всей России произошел сбой. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/07/2019/5d2dbd019a794704f02e643a> (дата обращения: 02.12.2019).

⁵ Интернет-сайт Управления ЗАГС Курганской области. URL: http://zags.kurganobl.ru/itogi_vnedreniya_fgis_egr_zags_v_organax_kurgansko.html (дата обращения: 02.12.2019).

⁶ 25 июня 2019 г. проведено совещание по вопросам работы государственной информационной системы Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния. URL: <https://minjust.ru/ru/novosti/sostoyalos-soveshchanie-po-voprosam-raboty-fgis-egr-zags> (дата обращения: 02.12.2019).

⁷ 26 февраля 2019 г. Минюстом России проведена видеоконференция. URL: <https://governors.ru/news/Minjust-Rossii-provel-vidеokонференциyu-po-voprosam-promyshlennoy-ekspluataczii-EGR-ZAGS/195177> (дата обращения: 02.12.2019).

⁸ Интернет-сайт Управления юстиции Алтайского края. URL: <https://altjust.ru/news/1564> (дата обращения: 02.12.2019).

ной власти РФ посредством системы межведомственного электронного взаимодействия⁹.

Согласно Приказу Минюста РФ от 13 августа 2018 г. № 167 «Об утверждении форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния и правил заполнения форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния»¹⁰, вступившему в силу с начала функционирования ЕГР ЗАГС — 1 октября 2018 г., утвердившему бланки свидетельств о госрегистрации актов гражданского состояния нового образца, которые формируются и распечатываются из ЕГР ЗАГС с нанесением в левом верхнем углу свидетельства QR-кода для подтверждения внесения акта в ЕГР ЗАГС, Письму Минфина РФ и ФНС России от 10 июня 2019 г. № ГД-4-14/11077@ «О размещении мобильного приложения «Реестр ЗАГС» в магазинах приложений App Store и Google play» предусмотрена возможность скачивания и использования мобильного приложения «Реестр ЗАГС» для смартфонов, позволяющее считать QR-код и проверить наличие записи акта. Так, в июле 2019 г. в одном из отделов ЗАГС Московской области автором статьи получено новое свидетельство о госрегистрации акта гражданского состояния на бланке старого образца без QR-кода, при вводе реквизитов выданного свидетельства вручную приложение не показало нахождение записи в реестре.

До конца 2020 г. будет закончена работа по оцифровке актов записей, содержащихся в актовых книгах на бумажных носителях начиная с 1 января 1926 г. до 1 октября 2018 г. Необходимо отметить, что подобная работа проводится не в полном объеме, а «по факту» наличия актовых книг, без учета актовых книг, утраченных в результате пожаров, затоплений, эвакуаций, переездов и других причин. Перевод актовых записей в электронный вид производится операторами посредством ручного переноса сведений¹¹, включаемых в запись акта гражданского состояния, а также сканирования и размещения сканобразца по каждой актовой записи в ЕГР ЗАГС, после чего электронные данные заверяются электронно-цифровой подписью работников органов ЗАГС¹². В связи с этим возникает опасность внесения в ЕГР ЗАГС данных с многочисленными ошибками операторов, которые будут накладываться на ошибки, содержащиеся в самих архивных документах, что в дальнейшем может привести к тому, что необходимая информация не будет

найдена. Например, заявители не смогут подтвердить свое родство с наследодателями, тем самым не вступят в права наследования. Тем не менее к 2021 г. ЕГР ЗАГС должен сформироваться в полном объеме, что позволит заявителям обращаться по месту их жительства или пребывания за повторными свидетельствами и справками в любой отдел ЗАГС на территории страны, независимо от места совершения и хранения актов записей.

У всех регистрационных органов существует тенденция к отказу от выдачи бумажных свидетельств о госрегистрации, так, Росреестр отказался от них с 2016 г., ФНС России в отношении субъектов предпринимательской деятельности — с 2017 г., и переходу к предоставлению заявителям выписок из реестра, которые подтверждают факт осуществления регистрации и являются актуальными сведениями на момент обращения заявителя. Такая возможность, но пока только в отношении выдачи выписок из реестра, заявлена и в отношении органов ЗАГС, практически реализуется только в отношении органов власти посредством системы межведомственного электронного взаимодействия и вообще не реализована в отношении физических лиц.

Так, абз. 6 п. 1 ст. 13.2 Закона № 143-ФЗ и Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1746 «Об утверждении правил предоставления сведений о государственной регистрации актов гражданского состояния, содержащихся в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния, и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»¹³ предусмотрена возможность запроса физическим лицом сведений о госрегистрации актов гражданского состояния (выписка), содержащихся в ЕГР ЗАГС, составленных в отношении указанного физического лица и в отношении каждого из его детей, не достигших совершеннолетия. Из ответа ФНС России, размещенного на сайте¹⁴, сказано, что предоставление указанных сведений осуществляется посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг (далее — ЕПГУ) и региональных порталов государственных и муниципальных услуг. Автором статьи проверена работа трех порталов государственных и муниципальных услуг на предмет предоставления указанных выше сведений: портала Госуслуг РФ¹⁵, г. Москвы¹⁶ и Московской области¹⁷, ни на одном из этих порталов не реализована возможность получения подобных сведений. Положения вышеуказанного федерального закона и поста-

⁹ Постановление Правительства РФ от 8 сентября 2010 г. № 697 «О Единой системе межведомственного электронного взаимодействия» (ред. от 20.11.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Приказ Минюста РФ от 13 августа 2018 г. № 167 «Об утверждении форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния и правил заполнения форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния» (зарег. в Минюсте РФ 15.08.2018 № 51901) // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2016 г. № 2934-р «Об утверждении перечня сведений, включаемых в запись акта гражданского состояния, конвертируемую (преобразуемую) в форму электронного документа» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановление Правительства РФ от 3 марта 2017 г. № 254 «Об утверждении Правил перевода в электронную форму книг государственной регистрации актов гражданского состояния (актовых книг)» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Пункты 36–60 Постановления Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1746 «Об утверждении правил предоставления сведений о государственной регистрации актов гражданского состояния, содержащихся в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния, и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Официальный сайт ФНС России, раздел «Часто задаваемые вопросы», 2019. URL: www.nalog.ru (дата обращения: 02.12.2019).

¹⁵ Интернет-сайт портала Госуслуг Российской Федерации. URL: <https://gosuslugi.ru> (дата обращения: 02.12.2019).

¹⁶ Интернет-сайт портала городских услуг города Москвы. URL: <https://mos.ru> (дата обращения: 02.12.2019).

¹⁷ Интернет-сайт портала государственных и муниципальных услуг Московской области. URL: <https://uslugi.mosreg.ru/> (дата обращения: 02.12.2019).

новления Правительства РФ не реализованы на практике и являются в настоящий момент недействующими. В связи с этим автор статьи обратился в ФНС России с обращением и получил следующий ответ: «...ФНС России в рамках полномочий оператора ЕПГУ приступили к доработке информационных систем в части реализации положений п. 1 ст. 13.2 № 143-ФЗ, но не могут их завершить без утвержденных форм. В случае утверждения Минфином России форм до конца 2019 г. вывод услуги на ЕПГУ возможен в 1 квартале 2020 г...»¹⁸.

Фактический заказ повторных свидетельств (справок) о госрегистрации актов гражданского состояния возможен только через портал Госуслуг РФ с их получением в соответствующем отделе ЗАГС.

Вопрос об отказе от бумажных свидетельств органами ЗАГС и переходе на выдачу заявителям вместо них выписок из реестра¹⁹ или «электронных записей»²⁰ в настоящий момент не находится на рассмотрении органов власти, но реализация данного вопроса будет являться логичным продолжением, характерным для деятельности всех регистрационных органов, и общемировой тенденцией.

Общей проблемой для регистрационных органов России остается повышение уровня актуальности и правильности данных, содержащихся в электронных реестрах, а также накопление и сохранение персональных данных граждан страны.

Технические ошибки в записях реестра, умышленные действия сотрудников (мошенничество) этих органов могут приводить к отрицательным последствиям для граждан, поэтому вопрос ответственности должностных лиц должен быть еще раз проработан на более высоком

уровне и привести не только к ответственности должностных лиц (ст. 13.11, 13.14 КоАП РФ, ст. 137, 155 УК РФ), но и самого государства в восстановлении нарушенных прав лица за счет государства.

Так, в результате недостоверных данных о регистрации прав собственности, содержащихся в Едином государственном реестре прав, добросовестные приобретатели земельных участков были лишены прав собственности. Европейский суд по правам человека в деле «Сергунин и другие против России»²¹ подчеркнул, что проверка законности оснований регистрации права собственности является обязанностью государства и его органов. Права собственности добросовестных приобретателей были успешно зарегистрированы, представители России в судебном заседании не доказали причины, по которым существующие основания проверки законности такой регистрации оказались недостаточны. Поэтому имущественные последствия недобросовестного отчуждения несет государство, а не гражданин. Подобное изъятие земельных участков было признано незаконным, заявителям присуждены компенсации.

В сложившейся ситуации, при неудовлетворительной работе ЕГР ЗАГС, в настоящий момент реестр не может служить достоверным источником содержащейся в нем информации, а органы государственной власти не могут обеспечить стабильность и законность гражданского оборота в результате его использования. В дальнейшем не исключены судебные разбирательства в целях восстановления нарушенных прав граждан РФ как внутри РФ, так и в ЕСПЧ.

Таким образом, проблемы, которые существовали до введения и после ЕГР ЗАГС, не только не разрешены, их стало еще больше. Несмотря на наличие временных технических проблем в программном обеспечении ЕГР ЗАГС, по-прежнему, как и до введения ЕГР ЗАГС, отсутствует единообразие правоприменительной практики в субъектах РФ, при четком нормативном регулировании часть норм реально не заработала и не исполняется.

¹⁸ Ответ ФНС России от 21 ноября 2019 г. № ГД-3-14/10002@ «О результатах рассмотрения интернет-обращения Лобурева С.Н. по вопросу отсутствия на ЕПГУ возможности получения из ЕГР ЗАГС в электронном виде сведений в отношении себя и своих несовершеннолетних детей» // Документ опубликован не был.

¹⁹ «...ФНС России обращает внимание, что предоставление указанной информации будет носить исключительно информационный характер, ее использование в качестве юридически значимой для получения услуг в других органах власти не представляется возможным с учетом норм действующего законодательства...». См.: Там же.

²⁰ В 2018 г. министр Минкомсвязи России К.Ю. Носков выступил с предложением отказаться от бумажных свидетельств о рождении и перейти на «электронную запись» о рождении. URL: <https://www.kp.ru/online/news/3191953/> (дата обращения: 02.12.2019).

²¹ Постановление ЕСПЧ от 9 октября 2018 г. «Дело Сергунин и другие (Sergunin and Others) против России» (жалоба № 54322/14 и 2 других) // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Кириллова Е.А. Электронное взаимодействие нотариата с Единым государственным реестром ЗАГС: новеллы законодательства / Е.А. Кириллова // Нотариус. 2017. № 5. С. 32–34.

Мы в социальных сетях Facebook и Instagram!
Анонсы мероприятий, фотоотчеты и свежие новости нашего издательства.
ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!
Facebook: <https://www.facebook.com/ig.lawinfo>
Instagram: <https://www.instagram.com/ig.lawinfo/>

Может ли участие в митинге рассматриваться как основание лишения родительских прав?

Матвеева Наталья Алексеевна,
доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
natamatveeva@rambler.ru

Воеводина Александра Игоревна,
помощник Преображенского межрайонного прокурора г. Москвы
alexandravojevodina@yandex.ru

Данная статья посвящена актуальным вопросам последствий участия в массовых акциях лиц, имеющих несовершеннолетних детей, а также родителей, участвующих в митингах вместе со своими детьми, и предложению органов прокуратуры привлекать таких граждан в том числе и к семейно-правовой ответственности, а именно лишать родительских прав.

Ключевые слова: митинг, родители, дети, лишение родительских прав, ответственность, прокурор, суд.

Can Participation in a Rally Be Viewed as a Basis for Deprivation of Parental Rights?

Matveeva Natalya A.
Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Operations
of the Financial University under the Government of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

Voevodina Aleksandra I.
Assistant of the Preobrazhenskiy Inter-District Prosecutor of Moscow

This article is devoted to current issues of the consequences of participation in mass rallies of persons with minor children, as well as parents participating in rallies with their children, and the proposal of the prosecution authorities to bring such citizens to family responsibility, namely, to deprive of parental rights.

Keywords: rally, parents, children, deprivation of parental rights, responsibility, prosecutor, court.

Право на участие в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях или право на мирные собрания является одним из наиболее значимых прав человека в современном мире. Указанное право закреплено как на уровне международно-правовых нормативных актов: в нормах «Всеобщей декларации прав человека»¹, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., Международного пакта от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах»², так и в ст. 31 Конституции РФ³.

данских и политических правах»², так и в ст. 31 Конституции РФ³.

¹ Международный пакт «О гражданских и политических правах» (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 5 апреля.

Право собираться мирно, проводить собрания митинги, демонстрации, шествия и пикетирования имеет выраженную социальную природу. Посредством проведения подобных мероприятий граждане и их объединения выражают свою активную гражданскую позицию, доводят до сведения общественности значимые проблемы и т.д., что, безусловно, является неотъемлемой частью гражданского общества. Порядок организации и проведения главным образом регламентируется Федеральным законом от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»⁴ (далее – Закон № 54-ФЗ).

В настоящее время законодателем обращено особое внимание к данной сфере общественной жизни, в том числе к необходимости строгого соблюдения порядка организации и проведения публичных мероприятий, которое находит свое отражение в тех поправках, которые вносились в законодательные акты различного уровня, посвященные указанной проблематике.

Так, в настоящее время за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования ст. 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)⁵ предусмотрена административная ответственность, а также за неоднократное совершение указанного деяния – уголовная, как следует из ст. 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)⁶.

Особого внимания заслуживает п. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ, предусматривающий ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетированиях, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния. Таким образом, законодатель особо подчеркивает необходимость защиты прав несовершеннолетних лиц при осуществлении форм гражданской активности. Однако в указанной статье речь идет именно о несанкционированном мероприятии.

Следует отметить, что обозначенные правонарушение и преступление, предусмотренные нормами КоАП РФ и УК РФ, характеризуются прямым умыслом, то есть виновное лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления, посягая, таким образом, на их объект – общественные отношения в сфере реализации прав граждан на проведение публичных мероприятий.

Вместе с тем вопрос правомерности нахождения несовершеннолетнего лица, к примеру, на митинге остается актуальным. В Законе № 54-ФЗ несовершеннолетние граж-

дане упоминаются единожды – в ч. 1 ст. 5, согласно которой может являться организатором демонстраций, шествий и пикетирований гражданин Российской Федерации, достигший возраста 18 лет, митингов и собраний – 16 лет. В ст. 6 указанного закона, посвященной участникам публичного мероприятия, также указывается лишь на то, что участниками публичного мероприятия признаются лица, добровольно участвующие в нем, то есть отсутствуют категоричные ограничения.

Судебные процессы по административным и уголовным делам, связанным с применением законодательства об ответственности за правонарушения и преступления в сфере проведения подобных публичных мероприятий, традиционно сопровождаются повышенным вниманием общественности и широким их освещением в средствах массовой информации. Так, широкий общественный резонанс вызвало рассмотрение судебными инстанциями города Москвы гражданского дела⁷ по иску Перовского межрайонного прокурора о лишении родительских прав супругов Проказовых Д.А. и О.В., явившихся летом 2019 г. на митинг вместе с несовершеннолетним (годовалым) ребенком. По информации, которой обладает прокуратура г. Москвы, Дмитрий и Ольга Проказовы 27 июля 2019 г., желая выразить свою гражданскую позицию, явились на несанкционированную акцию протеста в Москве, во время которой передали своего ребенка третьему лицу, «подвергая тем самым опасности здоровье и жизнь мальчика»⁸.

В средствах массовой информации ситуацию конкретизировали следующим образом. «Проказовы во время акции передали сына Сергею Фомину, который благодаря этому смог пройти через полицейский кордон, избежав задержания. Момент передачи ребенка был зафиксирован на видео оперативниками центра противодействия экстремизму (центра “Э”) МВД. Фомин – один из обвиняемых по делу о массовых беспорядках (ст. 212 УК РФ) в столице, которое расследует ГСУ СКР по Москве. Он находится в федеральном розыске. Информация о том, что Фомин использовал ребенка, чтобы избежать применения силы со стороны сотрудников Росгвардии, звучала также на судах по избранию меры пресечения другим фигурантам этого дела»⁹.

О данном деле 6 августа 2019 г. также было размещено сообщение на официальном сайте прокуратуры г. Москвы, в завершении которого была поставлена цель проверить действия других граждан, явившихся на несанкционированное массовое мероприятие с несовершеннолетними. Днем раньше, 5 августа 2019 г., иск прокуратуры поступил в Лефортовский районный суд, ответчиками по нему проходили два лица – Дмитрий и Ольга Проказовы, которые пояснили

⁴ Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (в ред. от 11.10.2018) // СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть 1). Ст. 1.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁷ Гражданское дело о лишении родительских прав в отношении Проказова Д. и Проказовой О. № 33-46028/2019 (02-3930/2019) // Архив Московского городского суда. 2019 г.

URL: <https://www.rbc.ru/society/06/08/2019/5d498d529a79473081bad806> (дата обращения: 24.01.2020).

⁸ URL: <https://www.rbc.ru/society/06/08/2019/5d498d529a79473081bad806> (дата обращения: 24.01.2020).

произошедшее тем, что с ребенком и родственником (Фомин мальчику приходится дядей) в центре столицы осуществляли прогулку, которая по чистой случайности совпала с массовой акцией протеста. Внимательно разобравшись в материалах дела, Лефортовский районный суд 2 сентября 2019 г. отказал в удовлетворении иска. Московский городской суд, рассматривая гражданское дело в апелляционной инстанции, 6 ноября 2019 г. оставил судебное постановление без изменения, жалобу — без удовлетворения. С приведенными решениями судебных инстанций полностью следует согласиться.

При этом не стоит забывать, что на основании ст. 63 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Они также несут ответственность за воспитание и развитие своих детей, обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. В силу закона родители являются законными представителями своего несовершеннолетнего ребенка и выступают в защиту его прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий (п. 1 ст. 64 СК РФ).

Законодатель в п. 1 ст. 65 СК РФ особо уточняет, что родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей. При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке.

В частности, такая ответственность предусмотрена ст. 69 СК РФ в виде лишения родительских прав. Указанная норма содержит исчерпывающий перечень оснований для применения высшей, исключительной меры ответственности к родителям, не исполняющим свои родительские обязанности или злоупотребляющим своими родительскими правами. К таковым относятся: уклонение от выполнения обязанностей родителей, в том числе злостное уклонение от уплаты алиментов; отказ без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций; злоупотребление своими родительскими правами; жестокое обращение с детьми, в том числе осуществление физического или психического насилия над ними, покушение на их половую неприкосновенность; болезнь хроническим алкоголизмом или наркоманией; совершение умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи.

Участие в несанкционированных мероприятиях как самих лиц, являющихся родителями, так и наличие родителей со своими несовершеннолетними детьми на митингах

нельзя считать основанием для лишения родителей в их правах. Подобное явление (участие в митингах вместе с несовершеннолетними) не согласуется со здравым смыслом, в связи с чем противоречит скорее не нормам права, а нормам морали. Здравомыслящие родители, надлежаще исполняющие свои обязанности и трепетно относящиеся как к своим детям, так и к правам, связанным с ними, стараются всячески оберегать их личности на стадии становления от негативной информации, участия в событиях и действиях, способных причинить вред жизни и здоровью, как физическому, так и психическому, и нравственному развитию.

Чрезвычайно важные разъяснения по поводу лишения родительских прав как меры их ответственности за виновное поведение даны Верховным Судом РФ. При этом в первых строках документа заявляется, что «каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, право на совместное проживание с родителями и воспитание ими, а также право не быть разлученным со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка»¹⁰. Это утверждение основывается на положении п. 1 ст. 9 Конвенции ООН «О правах ребенка»: «Государства-участники обеспечивают, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка. Такое определение может оказаться необходимым в том или ином конкретном случае, например, когда родители жестоко обращаются с ребенком или не заботятся о нем или когда родители проживают раздельно и необходимо принять решение относительно места проживания ребенка»¹¹.

Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, могут быть ограничены судом в родительских правах или лишены родительских прав. Следует напомнить, что лишение родительских прав является крайней мерой ответственности родителей, которая применяется судом только за виновное поведение родителей по основаниям, указанным в ст. 69 СК РФ, перечень которых является исчерпывающим.

Лишение родительских прав допускается в случае, когда защитить права и интересы детей иным образом не представляется возможным. Суд в приведенном выше примере выяснил, что поведение супругов Проказовых Д.А.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

¹¹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

и О.В. в отношении их несовершеннолетнего сына не противоречит его интересам и не ущемляет его прав, а сами родители надлежаще исполняют свои обязанности. Если органы прокуратуры могли вменять Дмитрию и Ольге Проказовым злоупотребление своими родительскими правами, то в п. «в» ст. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» разъясняется, что под злоупотреблением родительскими правами следует понимать использование этих прав в ущерб интересам детей, например, создание препятствий к получению ими общего образования, вовлечение в занятие азартными играми, склонение к бродяжничеству, попрошайничеству, воровству, проституции, употреблению алкогольной и спиртосодержащей продукции, наркотических средств или психотропных веществ, потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, вовлечение в деятельность общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности (ст. 9 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», ст. 24 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»).

Таким образом, если бы в разъяснениях Верховного Суда РФ прямо было обозначено участие лиц, имеющих несовершеннолетних детей, в массовых мероприятиях или тем более вовлечение их в таковые, то суд должен был ставить перед собой иные ориентиры. Однако подобное указание ущемляло бы уже права самих родителей как граждан свободной страны с гражданской позицией, которые, бесспорно, должны иметь конституционное право на свободное участие в митингах, демонстрациях и пр. Органы правопорядка, как представители государства, не должны препятствовать осуществлению этого права, создавать напряженную обстановку на массовых мероприятиях. Они должны проявлять поведение, аналогичное их профессиональному участию в массовых спортивно-зрелищных и иных подобных мероприятиях, на которые зачастую совершеннолетние граждане являются со своими детьми.

Поскольку лишение родительских прав является крайней мерой ответственности родителей, в исключительных случаях при доказанности виновного поведения родителя суд с учетом характера его поведения, личности и других конкретных обстоятельств, а также с учетом интересов ребенка может отказать в удовлетворении иска о лишении родительских прав и предупредить ответчика о необходимости изменения своего отношения к воспитанию детей,

что суд в приведенном примере и сделал. Однако справедливо отмечает С.В. Зыков, что «даже при положительном для родителя исходе дела о лишении его родительских прав сам факт его возбуждения является сильнейшим стрессом»¹². С этим стрессом необходимо справиться, а сама реабилитация от него будет происходить на глазах ребенка, который может в связи с этим пострадать психически (замкнуться, стать агрессивным и т.п.).

Отказом в удовлетворении иска по делу Проказовых Д.А. и О.В. точка в исследуемом вопросе не поставлена. Некоторое время назад «депутат Государственной Думы РФ от партии «Единая Россия» Сергей Вострецов выступил с предложением наказывать рублем родителей несовершеннолетних, участвующих в несанкционированных протестных акциях, а если это не подействует – принимать более серьезные меры, вплоть до лишения родительских прав»¹³. По мнению Л.А. Нудненко, «тенденции развития конституционных прав и свобод личности на современном этапе развития общества и государства свидетельствуют о несоблюдении баланса публичных и частных интересов в их правовом регулировании. Имеет место не просто преобладание публичных интересов, а интересов олигархических групп населения, представленных в палатах Федерального Собрания РФ и Правительстве РФ, получающих воплощение в федеральном законодательстве. Законодатели часто действуют в своекорыстных интересах либо в интересах контролирующих их групп, игнорируя интересы населения»¹⁴.

Представляется, что при реализации норм об ответственности за нарушения в сфере организации и проведения публичных мероприятий необходимо четкое установление обстоятельств рассматриваемого дела. Таким образом, само по себе участие в публичном мероприятии вместе с несовершеннолетним ребенком не имеет достаточных оснований расцениваться как обстоятельства, исчерпывающим образом указанные в ст. 69 СК РФ. Также обсуждаемое установление специального запрета на указанные действия без достаточных к тому оснований и предпосылок способно ограничить гарантированные международно-правовыми и конституционными нормами права. Вместе с тем в интересах государства, общества, а также отдельных семей в правовом государстве необходимо повышение культуры проведения публичных мероприятий, которое должно быть реализовано посредством проведения мер правового воспитания.

¹² Зыков С.В. О выражении в законодательстве исключительного характера применения лишения родительских прав в качестве меры семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 9–11.

¹³ URL: <https://www.newsru.com/russia/07nov2018/parents.html> (дата обращения: 25.01.2010).

¹⁴ Нудненко Л.А. Тенденции развития конституционных прав и свобод личности на современном этапе развития Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 52–55.

Литература

1. Зыков С.В. О выражении в законодательстве исключительного характера применения лишения родительских прав в качестве меры семейно-правовой ответственности / С.В. Зыков // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 9–11.
2. Нудненко Л.А. Тенденции развития конституционных прав и свобод личности на современном этапе развития Российской Федерации / Л.А. Нудненко // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 52–55.

О недопустимости аналогии закона в механизме ограничения прав усыновителей

Микрюков Виктор Алексеевич,
доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
vmikryukov@yandex.r

Автор показывает, что допустимое применение семейного законодательства по аналогии для восполнения его пробелов не должно подменять прямое действие семейно-правовых норм, основанное на их системном толковании.

Ключевые слова: аналогия закона, правовой пробел, семейные отношения, права усыновителей, правовые ограничения.

On Inadmissibility of a Legal Analogy in the Mechanism of Limitation of Adoptive Parents` Rights

Mikryukov Viktor A.
Associate Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
PhD (Law)

The author argues that the permissible application of family law by analogy to fill its gaps should not replace the direct effect of family law, based on their systemic interpretation.

Keywords: analogy of the law, legal gap, family relations, rights of adoptive parents, legal limitations.

Россия, как и другие государства – участники Конвенции о правах ребенка, признает, что ребенку для полного и всестороннего развития, становления его личности необходимо расти в окружении членов семьи. В семейном законодательстве РФ в качестве одного из основных начал регулирования семейных отношений провозглашен приоритет семейного воспитания детей (п. 3 ст. 1 СК РФ), при этом первой (основной) юридической гарантией обеспечения такого подхода поименовано право каждого ребенка жить и воспитываться в семье (п. 2 ст. 54 СК РФ).

Последовательное нормативное воплощение указанных принципиальных положений выразилось в том, что в силу п. 1 ст. 123 СК РФ дети, оказавшиеся без попечения родителей, подлежат передаче на воспитание (прежде всего, в первую очередь) именно в семью (в порядке усыновления (удочерения, под опеку или попечительство в приемную семью либо, когда это определено законодательными актами субъектов РФ, в патронатную семью) и лишь при отсутствии такой возможности временно (на период до их устройства в семью) направляются в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

В доктрине верно определено, что в ряду «семейных» форм устройства детей особое место занимает усыновление (удочерение), которое в идеале является пожизненным¹, т.е. изначально рассчитано на бессрочность, обеспечивает наиболее полную интеграцию ребенка в семью², и в п. 1 ст. 124 СК РФ прямо квалифицируется в качестве приоритетной формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Исключительная значимость института усыновления как формы максимальной юридической ассимиляции несовершеннолетнего в чужой семье, сопряженной с необходимостью всесторонней защиты прав и законных интересов детей, требует полного и качественного нормативного регулирования. При этом раскрытый в науке многоуровневый, сложный характер отношений, возникающих по поводу усыновления³, указывает на необходимость

¹ Шершень Т.В. О праве на семью и принципе приоритета семейного воспитания детей // Семейное и жилищное право. 2010. № 2. С. 7–13.

² Пронин А.А. Сиротство: пути решения проблемы // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 2. С. 3–8.

³ Горджан О.М. Правовая природа усыновления // Lex Russica. 2013. № 9. С. 993–997.

соблюдения должной дифференциации их юридической регламентации. Однако нельзя не согласиться с тем, что, несмотря на принятие в последнее время значительного количества нормативных актов, посвященных институту усыновления, регулирование в этой сфере по-прежнему не свободно от недостатков⁴.

Одним из наиболее значимых, чувствительных и одновременно проблемных участков нормативной конструкции усыновления (удочерения) представляется механизм установления юридических последствий при возникновении ситуации, когда нахождение усыновленного в семье усыновителей не позволяет обеспечить должный уровень физического, психического, духовного и нравственного развития ребенка без риска для жизни и здоровья последнего.

В отношении биологических родителей соответствующие последствия определены законодателем достаточно полно и при этом дифференцированно для различных по природе причин, по которым оставление ребенка с родителями опасно, и для различной степени опасности соответствующих обстоятельств: предусмотрены положения о максимально жесткой (крайней) мере ответственности в виде судебного лишения родительских прав, если таковые виновно осуществляются родителями в ущерб правам и интересам детей (ст. 69 СК РФ), а также нормы о возможном ограничении родительских прав (об отобрании ребенка у родителей (одного из них) без лишения их родительских прав), если оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно вследствие их (ненадлежащего, виновного) поведения, но не находится достаточных оснований для лишения родительских прав либо противоречит интересам ребенка по обстоятельствам, от родителей (одного из них) не зависящим, как то: психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и другое (ст. 73 СК РФ).

Когда при таких же или схожих обстоятельствах в зоне риска оказываются интересы не родного, а усыновленного ребенка, механизмы лишения и ограничения родительских прав неприменимы. На случай, если усыновители уклоняются от выполнения возложенных на них обязанностей родителей, злоупотребляют родительскими правами, жестоко обращаются с усыновленным ребенком, являются большими хроническим алкоголизмом или наркоманией, а равно и по иным причинам, требующим охраны интересов ребенка, ст. 140, 141 СК РФ закреплен особый механизм — отмена усыновления ребенка. При этом Пленум Верховного Суда РФ в п. 19 Постановления от 20 апреля 2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей»⁵, предвосхищая попытки параллельного применения конструкций лишения, ограничения родительских прав и отмены

⁴ Левушкин А.Н. Защита прав детей при усыновлении (удочерении) в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Современное право. 2011. № 6. С. 101–104.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 6.

усыновления, достаточно недвусмысленно разъяснил, что в силу принципиальной разницы источника возникновения родительских прав у родителей и усыновителей (в первом случае в силу биологического происхождения, во втором — в результате юридической процедуры усыновления) при установлении оснований, указанных в ст. 141 СК РФ, судом может быть решен вопрос именно об отмене усыновления, но не о лишении или ограничении родительских прав, хотя соответствующие основания явно по содержанию включают (полностью охватывают) основания для лишения родительских прав (ст. 69 СК РФ) или отобрания ребенка (ст. 73 СК РФ).

Наличие особой нормативно регламентированной процедуры прекращения семейно-правовой связи между усыновителями и усыновленным (отмены усыновления) используется некоторыми правоведами как значимый аргумент в пользу вывода о «несовпадении» сущности биологического родительства и усыновительских правоотношений, когда последние признаются в качестве «альтернативных»⁶, и даже как доказательство принципиально различной природы рассматриваемых отношений, когда усыновление квалифицируется в качестве особого (специфического) вида правоотношений, которые «нельзя назвать ни родительскими, ни подобными родительским правоотношениям»⁷. В совокупности с приведенным разъяснением Пленума Верховного Суда РФ такой подход приводит к мысли о том, что в ситуации, когда нахождение усыновленного в семье усыновителей противоречит подлежащим всесторонней защите интересам ребенка (вследствие обострения психического расстройства или иного хронического заболевания усыновителя, стечения тяжелых обстоятельств, возникновения внутрисемейного конфликта и др.), но обстоятельства явно «не дотягивают» для применения жестких последствий, эквивалентных по силе лишению родительских прав, суд скован необходимостью выбирать лишь один из двух вариантов решения: удовлетворить заявление об отмене усыновления либо отказать в применении данной меры. Именно так, в формулировках, не предполагающих изъятия и уточнения, рассматриваемый вопрос (в разделе о формах устройства детей, оставшихся без попечения родителей) освещается в учебной литературе: «Отмену усыновления не следует смешивать с лишением родительских прав. В отношении усыновителей невозможно ни лишение, ни ограничение родительских прав»⁸. Именно поэтому имели место случаи, когда, несмотря на наличие в деле доказательств проявлений жестокости, психической неуравновешенности усыновителя, сведений об опасности его поведения для ребенка, суды отказывали в ограничении родительских прав усыновителей

⁶ Шахова Е.С. Соотношение родительских и усыновительских правоотношений: актуальные проблемы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. С. 75–82.

⁷ Паршукова К.Ю. Общая характеристика отношений, порождаемых усыновлением, и их правовая природа // Семейное и жилищное право. 2008. № 2. С. 14–17.

⁸ Семейное право: учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019.

по исключительно формальной причине — ответчик является усыновителем и, следовательно, к нему не могут быть применены положения ст. 73 СК РФ, что требовало соответствующей реакции высших судебных инстанций⁹.

Вместе с тем едва ли могут быть сомнения в том, что преобладающий ситуационный характер метода семейно-правового регулирования¹⁰ требует наделения судей таким объемом дискреции, который позволял бы в каждом конкретном случае принять индивидуализированное решение, адекватное ситуации, складывающейся в семье усыновленного ребенка. Поэтому, опираясь, по всей видимости, на широко представленный в науке взгляд на усыновительские отношения как на «аналогичные» родительским¹¹, «максимально близкие» к ним¹² или даже «эквивалентные» биологическому родительству¹³, Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 Постановления от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»¹⁴ сформулировал позицию, по смыслу которой в силу правила аналогии закона (как оно звучит в ст. 5 СК РФ) при отсутствии (или недостаточности) оснований к отмене усыновления (удочерения) ребенка, если (тем не менее) оставление ребенка с усыновителями (одним из них) по обстоятельствам, находящимся вне сферы влияния усыновителей, опасно для ребенка, суд вправе, рассмотрев соответствующий иск, применить к усыновителям меры ограничения их в правах родителей, приобретенных в порядке усыновления.

С учетом того, что отмена усыновления — акт безоговорочный и бесповоротный (юридическая возможность восстановления ребенка в составе семьи бывшего усыновителя отсутствует), последствия отмены такового относятся к числу «особенно тяжких»¹⁵, зачастую жизненная ситуация ребенка после отмены усыновления (удочерения) становится хуже той, которая была до усыновления, и негативно сказывается на усыновителе и членах его семьи¹⁶, и даже судебная процедура отмены усыновления

не гарантирует отсутствие возможных ошибок¹⁷, можно согласиться с тем, что отмена усыновления должна быть исключительной мерой, принимаемой в целях охраны интересов ребенка лишь в крайних случаях¹⁸. В силу этого указанное разъяснение Пленума ВС РФ с точки зрения нацеленности на конкретный юридический результат, обеспечивающий должный уровень дифференциации регулирования усыновительских отношений, дающий необходимую «широту и глубину судебного усмотрения и судебного активизма»¹⁹ (указание на третий вариант судебного выбора — допущение возможности ограничения прав усыновителей вместо полной отмены усыновления или оставления ребенка в опасной, вредной для него ситуации), видится оправданным.

Однако едва ли можно согласиться с правовым обоснованием такого разъяснения через аналогию закона (ст. 5 СК РФ). Дело не в том, что соответствующая правовая позиция Пленума Верховного Суда РФ находится «на нормотворческой грани» и как обходная технология исчерпала «возрастной предел»²⁰, и даже не в том, что речь, по существу, идет о факте незаконного введения нового правового института «ограничения прав усыновителей»²¹ (что противоречит требованию п. 4 ст. 1 СК РФ о недопустимости ограничения права граждан в семье иначе, как на основании федерального закона, и что уже одного этого возражения вполне достаточно, чтобы понять порочность приведенной судом ссылки на аналогию). Думается, что в вопросе о возможности ограничения родительских прав, возникших в результате процедуры усыновления, нет главного условия применения аналогии закона — отсутствует реальный (а не мнимый) правовой пробел, а есть лишь затруднения в толковании закона.

Если буквально истолковать положение п. 1 ст. 137 СК РФ, согласно которому усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным детям и их потомству приравниваются в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению, и обратить внимание на то, что законодатель в совокупности ряда норм обозначил стремление обеспечить не просто максимальное сходство, а тождество юридически значимых параметров родительских и усыновительских семейно-правовых связей (в ст. 2 СК РФ определил личные неимущественные и имущественные отношения между усыновителями и усыновленными в

⁹ Протест Верховного Суда РФ от 28 января 2003 г. № 5-В02-262 на судебный акт, состоявшийся по делу о возврате ребенка и по встречному иску об ограничении в родительских правах и передаче ребенка на воспитание // Официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Микрюков В.А. Ситуационность — главная черта метода семейного права // Семейное и жилищное право. 2011. № 4. С. 7–12.

¹¹ Маньолов И.Е. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РФ // Вестник гражданского процесса. 2016. № 4. С. 89–112; № 5. С. 110–142; № 6. С. 63–107.

¹² Антокольская М.В. Семейное право : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М; 2010. С. 375.

¹³ Муратова С.А. Семейное право : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 257.

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

¹⁵ Нечаева А.М. Семейное право : учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2011. С. 227.

¹⁶ Кабанов В.Л. Отмена усыновления (удочерения) детей и проблемы их интересов: социально-гуманитарные аспекты // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 17–21.

¹⁷ Осипова М.А. Законодательные инициативы в сфере семейных отношений в Государственной Думе седьмого созыва // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 39–41.

¹⁸ Медведев С.В., Медведева А.С. Отмена усыновления должна быть исключительной мерой, преследующей цель защиты прав и интересов ребенка // Семейное и жилищное право. 2017. № 3. С. 8–11.

¹⁹ Тарусина Н.Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений: трудности жанра // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 254–273.

²⁰ Тарусина Н.Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани протворчества // Lex Russica. 2019. № 5. С. 40–48.

²¹ Ординарцева Л.И. Правовое значение постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в механизме семейно-правового регулирования // Семейное и жилищное право. 2014. № 6. С. 19–21.

составе предмета семейно-правового регулирования как идентичные отношениям родителей и детей; в ст. 128 СК РФ закрепил требование о необходимой разнице в возрасте между усыновителем и усыновленным (как правило, не менее 16 лет) с тем, чтобы и в социальных признаках семья, созданная вокруг факта усыновления, была эквивалентна семье, основанной на родстве; в ст. 136 СК РФ предусмотрел возможность принятия судом решения о записи усыновителей в книге записей рождений в качестве родителей усыновленного ими ребенка; в ст. 139 СК РФ провозгласил тайну усыновления; и др.), то напрашивается вывод о том, что правила об ограничении родительских прав должны применяться к усыновителям не по аналогии закона, а напрямую. По всей видимости, именно такой вывод был положен в основу верного и по форме, и по содержанию (хотя и подвергавшегося некоторыми учеными критике за немотивированность²²) разъяснения, содержащегося в ныне утратившем силу п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»²³, где вопрос о возможности отобрания ребенка от усыновителей (при отсутствии

установленных законом оснований к отмене усыновления) по правилам об ограничении родительских прав (ст. 73 СК РФ) решался положительно без ссылок на ст. 5 СК РФ и аналогию закона.

В целях устранения возникшей неопределенности и затруднительности толкования, имея в виду важность недопущения ситуаций, когда в результате некорректного использования метода аналогии в правоприменении происходит разрушение теоретико-правовых основ этого метода и одновременно искажение сущности претерпевающих регулятивное воздействие отношений, следует отказаться от неправомерного использования аналогии закона в механизме ограничения прав усыновителей и внести необходимые законодательные уточнения, дополнив ст. 141 СК РФ п. 3 следующего содержания: «3. При отсутствии установленных в пункте 1 настоящей статьи оснований к отмене усыновления ребенка, однако если оставление ребенка с усыновителями (одним из них) опасно для ребенка по обстоятельствам, от усыновителей (одного из них) не зависящим (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и другие), и при этом отмена усыновления не отвечает интересам ребенка, суд может с учетом заслуживающих внимания обстоятельств принять решение об отобрании ребенка у усыновителей (одного из них) без отмены усыновления (ограничении родительских прав усыновителей) в порядке, предусмотренном статьей 73 настоящего Кодекса».

²² Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам / Е.А. Борисова, С.А. Герасименко, Б.А. Горохов и др. ; под ред. В.М. Жуйкова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2008.

²³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.

Литература

1. Антокольская М.В. Семейное право : учебник / М.В. Антокольская. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2010. 431 с.
2. Гюрджан О.М. Правовая природа усыновления / О.М. Гюрджан // Lex Russica (Русский закон). 2013. Т. 95. № 9. С. 993–997.
3. Кабанов В.Л. Отмена усыновления (удочерения) детей и проблемы их интересов: социально-гуманитарные аспекты / В.Л. Кабанов // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 17–22.
4. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам / Е.А. Борисова, С.А. Герасименко, Б.А. Горохов [и др.] ; под редакцией В.М. Жуйкова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма, 2008. 831 с.
5. Левушкин А.Н. Защита прав детей при усыновлении (удочерении) в Российской Федерации: проблемы теории и практики / А.Н. Левушкин // Современное право. 2011. № 6. С. 101–104.
6. Манылов И.Е. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РФ (продолжение) / И.Е. Манылов // Вестник гражданского процесса. 2016. № 4. С. 89–112.
7. Манылов И.Е. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (продолжение) / И.Е. Манылов // Вестник гражданского процесса. 2016. № 5. С. 110–142.
8. Медведев С.В. Отмена усыновления должна быть исключительной мерой, преследующей цель защиты прав и интересов ребенка / С.В. Медведев, А.С. Медведева // Семейное и жилищное право. 2017. № 3. С. 8–11.
9. Микрюков В.А. Ситуационность — главная черта метода семейного права / В.А. Микрюков // Семейное и жилищное право. 2011. № 4. С. 7–12.
10. Муратова С.А. Семейное право : учебник / С.А. Муратова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 375 с.
11. Нечаева А.М. Семейное право : учебное пособие / А.М. Нечаева. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2011. 310 с.
12. Ординарцева Л.И. Правовое значение постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в механизме семейно-правового регулирования / Л.И. Ординарцева // Семейное и жилищное право. 2014. № 6. С. 19–21.
13. Осипова М.А. Законодательные инициативы в сфере семейных отношений в Государственной Думе седьмого созыва / М.А. Осипова // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 39–41.
14. Паршукова К.Ю. Общая характеристика отношений, порождаемых усыновлением, и их правовая природа / К.Ю. Паршукова // Семейное и жилищное право. 2008. № 2. С. 14–17.
15. Пронин А.А. Сиротство: пути решения проблемы / А.А. Пронин // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 2. С. 3–9.
16. Семейное право : учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева [и др.] ; под редакцией П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2019. 315 с.
17. Тарусина Н.Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений: трудности жанра / Н.Н. Тарусина // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 254–273.
18. Тарусина Н.Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества / Н.Н. Тарусина // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 40–48.
19. Шахова Е.С. Соотношение родительских и усыновительских правоотношений: актуальные проблемы семейного права / Е.С. Шахова // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7 (68). С. 75–82.
20. Шершень Т.В. О праве на семью и принципе приоритета семейного воспитания детей / Т.В. Шершень // Семейное и жилищное право. 2010. № 2. С. 7–13.

Супруги как единый субъект права в контексте реализации их способности к правопреемству посредством совместного завещания супругов

Сауткина Екатерина Андреевна,
главный специалист по юридическим вопросам
государственного казенного учреждения Республики Мордовия
«Специальное управление гражданской защиты»
KaterinaK.1994@yandex.ru

С 1 июня 2018 г. вступили в силу нормы Гражданского кодекса РФ о совместных завещаниях супругов. В статье рассмотрены некоторые вопросы теоретического и практического характера, возникающие в связи с данным нововведением. В частности, автором рассмотрен правовой статус супругов, распоряжающихся своим имуществом на случай смерти, составляя совместное завещание супругов. Проанализирована возможность рассмотрения супругов в качестве единого субъекта права в некоторых правоотношениях, в том числе при составлении ими совместного завещания. Также предложен способ защиты для супруга, совершившего совместное завещание под давлением другого супруга.

Ключевые слова: супруги, семья, правосубъектность, совместное завещание супругов.

Spouses as a Single Subject of Right within the Framework of Implementation of Their Capability for Legal Succession through a Joint Will of Spouses

Sautkina Ekaterina A.
Chief Specialist for Legal Issues
of the Special Civil Defense Directorate State Budgetary Institution
of the Republic of Mordovia

On June 1, 2018, the norms of the Civil Code of the Russian Federation on joint wills of spouses entered into force. The article discusses some theoretical and practical issues that arise in connection with this innovation. In particular, the author examined the legal status of spouses who manage their property in the event of death, drawing up a joint will of the spouses. The article analyzes the possibility of considering spouses as a single subject of law in certain legal relations, including when they prepare a joint will. Also proposed is a protection method for a spouse who has completed a joint will under the pressure of another spouse.

Keywords: spouses, family, legal personality, joint will of spouses.

Одним из институтов, появившихся в России в связи с проведением в последние годы реформы наследственного права и обновлением представлений об основаниях возникновения наследственного правопреемства, является совместное завещание супругов. Данным нововведением было изменено императивное правило о недопущении совершения завещания двумя или более гражданами. С 1 июня 2019 г. завещание может быть также совершено гражданами, находящимися в момент его совершения в браке. Тем не менее завещание по-прежнему считается односторонней сделкой согласно ч. 5 ст. 1118 Граждан-

ского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ). Полагаем, что по своей правовой природе совместное завещание супругов больше схоже с договорами. Суть завещания гражданина – выражение воли по распоряжению имуществом на случай смерти. При совершении завещания двумя гражданами (супругами) имеет место не одна, а две воли, которые не могут быть несогласованными, поскольку в противном случае совместное завещание не сможет быть совершено. Следовательно, совместное за-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

вещание супругов – это не волеизъявление одного лица, а изъявление воли каждым из супругов по распоряжению своим имуществом. «При этом такое решение обоюдно с решением другого супруга»². Законодатель упускает этот момент, наделяя супругов как бы одной общей волей.

В этой связи важно остановиться на выдвигаемой в научной литературе позиции о необходимости наделения супругов правосубъектностью и рассмотрении их в качестве единого субъекта права. Прежде всего отметим, что высказывается мнение, согласно которому правосубъектностью следует наделять семью³ и рассматривать ее в качестве «субъекта частноправовых отношений»⁴.

Изначально еще в Древнем Риме семья, по справедливому замечанию И.А. Покровского, представляла собой «маленькую монархию», полностью подчиненную власти домовладыки. При этом остальные члены семьи (жена, дети) не признавались субъектами прав⁵. То есть во всех взаимоотношениях с третьими лицами, в том числе и с государством, находилась семья в лице домовладыки, его воля признавалась волей семьи. В этом усматривается существование семьи в качестве единого субъекта права, даже несмотря на то, что представляет ее домовладыка: вступая в отношения от имени семьи, он действует уже не только в своем личном интересе, но и в интересах всех остальных ее членов, семьи в целом.

Когда семья в таком виде прекращает существовать, говорить о семье как едином субъекте права больше не приходится. В современном российском законодательстве семья также не рассматривается как субъект права, нет определения категории «семья». Полагаем, что дать такое определение затруднительно хотя бы потому, что различные законодательные акты по-разному определяют круг лиц, относящихся к членам семьи. Так, к примеру, согласно ст. 2 Семейного кодекса Российской Федерации⁶ (далее – СК РФ) членами семьи являются супруги, родители, дети, в том числе усыновленные, другие родственники (братья и сестры – ст. 93 СК РФ, дедушки и бабушки, внуки – ст. 94, 95 СК РФ, пасынки и падчерицы, отчимы и мачехи – ст. 97 СК РФ). В соответствии с ч. 1 ст. 30 Жилищного кодекса Российской Федерации⁷ к членам семьи собственника жилого помещения относятся его супруг, дети и родители; членами семьи могут быть признаны и другие родственники: бабушки, дедушки, братья, сестры, дяди, тети, племянники, племянницы и даже лицо, проживающее совместно с собственником без регистрации брака (подп. «б»

п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14)⁸. К членам семей военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, относятся: супруга (супруг); несовершеннолетние дети; дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет; дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения; лица, находящиеся на иждивении военнослужащих (абз. 5–10 ч. 5 ст. 2 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ)⁹. В пенсионном законодательстве используется более узкое понятие «нетрудоспособные члены семьи» (ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 15.12.2001 № 166-ФЗ; ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 28.12.2013 № 400-ФЗ)¹⁰. Таким образом, круг членов семьи определяется отдельно для каждого вида правоотношений и регулирование осуществляется в каждой отдельной ситуации в отношении отдельных лиц, которые при этом наделяются определенными правами и обязанностями. В связи с этим говорить о семье как о едином субъекте права не представляется возможным, поскольку в конкретных правоотношениях семья как бы «распадается» на отдельных своих членов, являющихся самостоятельными субъектами права. По этому поводу верным представляется замечание А.И. Рашидовой о том, что «в семейном законодательстве при употреблении термина “семья”, по сути, речь идет о правах и обязанностях ее членов как совершенно отдельных субъектов семейно-правовых отношений»¹¹.

В научной литературе также отмечается, что «семья в целом не приобретает правосубъектности», «для того чтобы стать субъектом права, то есть выступать единым взаимответственным и взаимобязанным субъектом, необходимы определенные признаки этой взаимответственности, возможности вступать в сделки, брать обязательства, чего мы в семье не видим»¹².

Полагаем, что корректнее наделять правосубъектностью и считать субъектом определенных правоотношений именно супругов. Однако при условии регистрации брака, поскольку супругами считаются лица, брак которых зарегистрирован в органах записи актов гражданского состояния (подп. «а» п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 г. № 14)¹³. Уже в эпоху законов XII таблиц наряду с вышеупомянутым «браком “с властью”» (*cum manu*) появляется в Риме другой вид брака – брак «без власти» (*sine manu*). «Муж и жена при этой форме брака – люди, юридически друг другу чужие»; «нет речи о какой бы то ни было власти мужа по отношению к

² Родионова О.М. Гражданско-правовая сущность совместного завещания супругов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5 (130). С. 101.

³ Полич С.Б. Некоторые особенности правосубъектности лиц – участников гражданских и семейных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 4. С. 681.

⁴ Беседкина Н.И. Частно-публично правовой взгляд на семью // Образование и право. 2012. № 12. С. 94.

⁵ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Право, 1917. С. 131.

⁶ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁷ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4831; Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Рашидова А.И. Семья в российском праве // Вестник Герценовского университета. 2012. № 3. С. 60.

¹² Королев Ю.А. Семья как субъект права. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/6604?page=2>

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

жене»; имущество мужа и жены разделено¹⁴. Данный вид брака похож на современный фактический брак, и, соответственно, о выступлении супругов в качестве единого субъекта права здесь говорить нельзя. Нельзя рассматривать супругов одним субъектом права и в период господства церковных браков, а также в том случае, если бы реализовались доктринальные и политические предположения о том, что государственная регистрация супружества — явление временное, сохраняющееся лишь с целью борьбы с церковным браком; фактический брачный союз, свободный от «юридических оков», должен стать доминантой семейной жизни, прообразом равноправного коммунистического общественного института¹⁵.

Схожей позиции придерживаются и некоторые исследователи: «после заключения брака супруги становятся неким единым социумом», «данный социум позволяет во многих правоотношениях супругам выступать как квазиединый субъект права»¹⁶.

С.Б. Полич отмечает, что «правосубъектность лица, группы, образования “появляется” там, где “появляется” детерминируемая самостоятельно его воля стать полноправным участником имущественного оборота. Эта воля должна быть четко выражена вовне. После “выражения” соответствующей воли любое и каждое лицо, группа, образование ненавязчиво вовлекается в имущественный и неимущественный оборот»¹⁷. «Характеристика брака как статуса наиболее емко отражает семейную правосубъектность, наделяя участников брачного союза общностью личных и имущественных интересов, которые могут отличаться от личных и имущественных интересов лиц, не состоящих в браке, соответственно от их гражданской правосубъектности»¹⁸.

Наличие у супругов правосубъектности обосновывается исследователями достаточно узко, а именно возможностью совершения сделок с имуществом, составляющим их общую совместную собственность, только при условии согласия на совершение сделки другим супругом¹⁹.

¹⁴ Покровский И.А. Указ. соч. С. 133.

¹⁵ Тарусина Н.Н. 1917–2017: «революции» и «контрреволюции» в российском семейном законодательстве // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 57.

¹⁶ Селецкая С.Б. О некоторых особенностях правового статуса супругов и его межотраслевой природе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 39.

¹⁷ Полич С.Б. Указ. соч. 665.

¹⁸ Там же. С. 676.

¹⁹ Там же. С. 677; Строганова Т.П. Основные права и обязанности членов семьи собственника жилого помещения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 4. С. 707.

Однако такой подход не отражает всей сути проявления правосубъектности супругов как единого субъекта права. При совершении совместного завещания супруги выражают свою волю стать участниками имущественного оборота посредством совершения распоряжений по поводу судьбы своего имущества на случай смерти. Следовательно, у супругов возникает правосубъектность, отличная по своему содержанию от правосубъектности каждого из супругов в отдельности. При этом реализация такой правосубъектности выходит за рамки совершения сделок с общей совместной собственностью супругов, поскольку, совершая совместное завещание, супруги могут распорядиться и имуществом каждого из них в отдельности посредством совместного (общего) волеизъявления. Только придерживаясь данного подхода, можно рассматривать совместное завещание супругов в качестве односторонней сделки, совершаемой супругами как единым субъектом права, обладающим общей волей.

Однако при рассмотрении супругов в качестве единого субъекта права возникают и некоторые проблемы. Как быть супругу, который совершил совместное завещание под давлением другого супруга? Согласно ст. 179 ГК РФ²⁰ сделка, совершенная под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего. Но может ли лицо, совершившее одностороннюю сделку, сам обратиться в суд за признанием такой сделки недействительной? Может ли «часть субъекта» — семьи (супруг, оказавшийся под давлением) оспорить совместное завещание супругов? Думается, необходимо предоставить супругу, оказавшемуся под давлением, такую возможность. В противном случае единственным способом защитить свои интересы (прежде всего, имущественные) остается только прекращение брака.

Таким образом, следует признать, что законодатель, вводя правила о совместном завещании, по сути, наделяет супругов особыми правами общего типа (правосубъектностью), реализуемыми в некоторых отношениях с иными участниками имущественного оборота, придавая тем самым им самостоятельный гражданско-правовой статус.

²⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Литература

1. Беседкина Н.И. Частно-публично правовой взгляд на семью / Н.И. Беседкина // Образование и право. 2012. № 12. С. 91–96.
2. Королев Ю.А. Семья как субъект права / Ю.А. Королев. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/6604?page=2>
3. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. Петрозаводск: Право, 1917. 328 с.
4. Полич С.Б. Некоторые особенности правосубъектности лиц — участников гражданских и семейных отношений / С.Б. Полич // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 4. С. 664–684.
5. Рашидова А.И. Семья в российском праве / А.И. Рашидова // Вестник Герценовского университета. 2012. № 3. С. 58–63.
6. Родионова О.М. Гражданско-правовая сущность совместного завещания супругов / О.М. Родионова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5 (130). С. 99–103.
7. Селецкая С.Б. О некоторых особенностях правового статуса супругов и его межотраслевой природе / С.Б. Селецкая, Е.А. Яковлева // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 37–40.
8. Строганова Т.П. Основные права и обязанности членов семьи собственника жилого помещения / Т.П. Строганова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 4. С. 700–721.
9. Тарусина Н.Н. 1917–2017: «революции» и «контрреволюции» в российском семейном законодательстве / Н.Н. Тарусина // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 2 (40). С. 56–59.

Брак как основание приобретения гражданства (на примере Королевства Испания)

Трофимец Ирина Александровна,
сотрудник Посольства России в Испании,
кандидат юридических наук, доцент
kosareva-khv@mail.ru

В статье автором предпринята попытка показать, что, исходя из своей сущности, брак по мотивам воссоединения семьи является привилегированным основанием приобретения гражданства по законодательству Испании.

Ключевые слова: брак, семья, правовой статус личности, гражданство, «право крови», «право почвы», натурализация.

Marriage as a Basis for the Acquisition of Citizenship (on the Example of the Kingdom of Spain)

Trofimets Irina A.
Employee of the Russian Embassy in Spain
PhD (Law), Associate Professor

In the article author is showing that the marriage is the preferred basis for acquiring citizenship in the Spanish law on the motives of family reunification.

Keywords: marriage, family, legal personality status, citizenship, "blood right", "soil right", naturalization.

Феномен брака привлекал умы ученых от Платона с его утопическими идеями об общности жен и детей, от противостоящего ему Аристотеля, отстаивавшего автономность семьи относительно государства, Гоббса, Руссо, Милля, утверждавших, что семья и брак направлены на деспотизм и унижение личности, до современных исследователей – А.И. Пергамент, В.И. Бошко, К.А. Граве, В.А. Рясенцева, Г.М. Свердлова, В.П. Шахматова, А.М. Нечаевой, М.В. Антокольской и др., определяющих брак как особый социальный институт, добровольный союз мужчины и женщины. Вообще, брак на протяжении всей истории своего существования выступает уникальной организацией жизнедеятельности людей, отвечающей сути человеческой природы и общества, совмещающей экономическое и сексуальное воедино, это не просто биосоциальный союз мужчины и женщины, выполняющий репродуктивные функции в обществе, но куда более сложный организм, находящийся под опекой государства и права.

Брак – это уникальная форма удовлетворения потребности человека в детях, в своем продолжении, а для человечества в целом это основной способ воспроиз-

водства населения. Хотелось отметить, что в настоящее время утрачиваются традиционные положения института брака. Отмечается нежелание пар официально оформлять отношения и, как следствие, увеличение числа незарегистрированных сожительств, повышение внебрачной рождаемости и вместе с тем появление сознательной бездетности в браке, рост разводов и повторных браков. Кроме того, на смену тысячелетиями сложившейся форме брака как моногамной связи мужчины и женщины приходят новые квазибрачные союзы: социально-экономическое партнерство, пожизненное партнерство, гражданское партнерство, гражданский пакт солидарности, гражданский союз, домашнее партнерство, внутреннее партнерство, зарегистрированное партнерство, незарегистрированное партнерство, фактическое сожительство и др., находящие признание не только в общественном сознании, но и в международном праве и национальных правовых порядках. В последнее время брак из единственно признанного обществом и правом семейного союза мужчины и женщины превратился в одну из допустимых форм сожительства разнополых или однополых партне-

ров¹. Считается, что брак, оформляя интимные отношения, имеет своей целью образование семьи, предназначение которой — рождение и воспитание детей. Однако существование намеренно «бездетных» браков — это не такое и редкое явление.

Глобализационные процессы, происходящие в мире, затрагивают все сферы общественной жизни, не исключая и семейную. Повсеместно отмечается увеличение межнациональных браков. Такой признак брака, как стабильное совместное проживание супругов и ведение ими общего хозяйства, требует от современных законодателей гибкости в правовом регулировании, особенно если брак заключается с иностранцем.

Институт брака, имеющий глубокие исторические и культурные корни в любом обществе и внутреннем праве государств, находит правовое регулирование и в международных актах. Брак, как юридический факт-состояние, влечет возникновение различных правоотношений, и не только в частноправовой (личные неимущественные, имущественные правоотношения), но и в публично-правовой сфере. Как правило, государство не дифференцирует права лиц в различных областях по признаку гражданства. Однако различия в объеме прав и обязанностей собственных граждан и иностранцев, конечно же, есть (избирательное право, право занимать государственные должности, служба в вооруженных силах и др.).

Любое государство заинтересовано в определенном правовом положении лиц, населяющих его территорию. Пожалуй, первостепенным для каждого индивида можно считать правовой статус, имеющий в своей основе его гражданство. Среди существующих в мире научных подходов к пониманию гражданства наиболее распространенным выступает определение гражданства как особой устойчивой правовой и политической связи с государством (например, А.Б. Аксенов, А.В. Белов, Т.А. Васильева, О.Е. Кутафин, А.В. Мицкевич, Е.С. Смирнова, В.С. Шевцов, А. Álvarez-Valdes y Valdes, С. Benito Aláez, F. Davidson, G. Jellinek, Н. Kelsen, М. Zapata Barrero и др.)².

Международное право и национальные правовые порядки называют основания приобретения гражданства: по происхождению, или филиация³ (по «праву крови» (*лат. Jus sanguinis*) и «праву почвы» (*лат. Jus soli*)), и в порядке натурализации при соблюдении ряда условий.

Испания как участница Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Конвенции о гражданстве замужней женщины 1957 г., Европейской конвенции о гражданстве 1997 г. соблюдает международные правовые нормы и

принципы, регулирующие данную сферу общественных отношений, считая их частью своей правовой системы.

В соответствии со ст. 1 Конституции 1978 г. (*Constitución Española*⁴) Королевство Испания провозглашено правовым демократическим социальным государством с парламентско-монархической формой правления. В Испании существует общепринятый институт гражданства (*nacionalidad, ciudadanía*) и нет подданства как политико-правовой связи индивида и монарха. Есть мнение, что институт подданства в современных странах монархического строя эволюционировал в гражданство⁵.

В ст. 11 Конституции Испании закреплены основополагающие принципы института гражданства:

1. Испанское гражданство принимается, сохраняется и утрачивается в соответствии с законом.

2. Ни один испанец по рождению не может быть лишены своего гражданства.

3. Государство может заключить договоры о двойном гражданстве с латиноамериканскими странами или же со странами, имевшими или имеющими особые связи с Испанией. В этих странах, даже если они не признают за своими гражданами такого права на взаимной основе, испанцы могут натурализоваться без потери испанского гражданства.

В Испании отсутствует специальный нормативный правовой акт в качестве источника института гражданства. Основные положения содержатся в Гражданском кодексе Испании (*Código Civil*⁶) (далее — ГК Испании). Полагаем, что такую ситуацию можно объяснить рецепцией римского права, в котором статус гражданина определялся не только и даже не столько политическими правами, как в большей степени имущественными и семейными⁷.

В римском праве главным основанием приобретения гражданства считалось рождение ребенка от римских граждан, состоящих в законном браке. Отец, являющийся римским гражданином, мог признать своего ребенка в течение определенного срока после рождения, что также давало возможность получения им гражданства. Мать-римлянка не имела такого права в связи с тем, что сама находилась под опекой.

Согласно ст. 17 ГК Испании испанскими гражданами по происхождению признаются: рожденные от отца или матери, являющихся испанцами; рожденные в Испании от иностранцев, если хотя бы один из родителей также родился в Испании (за исключением детей дипломатических и консульских работников, аккредитованных в Испании); рожденные в Испании от иностранцев, лиц без гражданства, если законодательство государств их происхождения не позволяет предоставить ребенку гражданство; рожденные в Испании, чье происхождение неизвестно

¹ В Испании для мужчин и женщин альтернативой брака является зарегистрированное сожитие (*pareja de hecho*). Для однополых партнеров региональным законодательством отдельных провинций (Каталония, Арагона, Наварра) установлено зарегистрированное сожитие (*pareja de hecho*) с 1999 г. и брак с 2005 г.

² Существует и другая точка зрения, определяющая гражданство как принадлежность к государству. Представляется, что такой подход к определению гражданства не в полной мере отражает его сущность.

³ Лат. *filiius* (сын).

⁴ Constitución Española. «BOE» num. 311, de 29 de diciembre de 1978. Referencia: BOE-A-1978-31229.

⁵ Исключение, пожалуй, составляет Королевство Великобритания.

⁶ Real Decreto de 24 de julio de 1889 por el que se publica el Código Civil. «BOE» núm. 206, de 25 de julio de 1889. Referencia: BOE-A-1889-4763.

⁷ Однако данные положения ГК Испании, представляющие собой институт гражданства, будут являться все-таки частью конституционного права Испании, а не гражданского права.

(считаются рожденными в Испании несовершеннолетние, чьим первым известным местом пребывания является территория Испании); несовершеннолетние иностранцы до 18 лет при их усыновлении гражданами Испании.

В современном испанском праве брак родителей юридически индифферентен для приобретения гражданства. Ребенок становится гражданином этого государства, вне зависимости от того факта, состоят ли его родители в браке. Обязательным условием является наличие испанского гражданства хотя бы у одного из родителей. Вообще, в вопросах гражданства в случаях, установленных законодательством, состояние в браке имеет правовое значение.

В Испании в качестве оснований приобретения гражданства применяются оба: «право крови» и «право почвы». Однако «право почвы» закреплено не в его традиционном, а весьма ограниченном виде, поскольку: хотя бы один из родителей-иностранцев должен иметь место рождения на территории Испании (не распространяется на детей сотрудников дипломатических миссий, в том числе консульств); государство происхождения родителей-иностранцев или лиц без гражданства не наделяет гражданством ребенка, рожденного на территории Испании; происхождение ребенка неизвестно.

В вопросах приобретения гражданства по «праву крови» к родным детям приравнены несовершеннолетние усыновленные дети-иностранцы.

Испанское законодательство предусматривает возможность получения гражданства по укоренению (в порядке натурализации) отдельным категориям иностранцев: лицам, находившимся или находящимся под опекой гражданина Испании; лицам, чьи мать или отец были испанцами или родились в Испании; лицам старше 18 лет, в отношении которых выяснился факт рождения в Испании или факт наличия родителей испанцев (при выяснении этих обстоятельств заинтересованное лицо имеет право ходатайствовать о получении гражданства Испании в течение двух лет); лицам, усыновленным испанцами, которым уже исполнилось 18 лет (могут претендовать на испанское гражданство в течение двух лет с момента усыновления).

Кроме того, право приобретения испанского гражданства предоставляется иностранцам, имеющим вид на жительство в Испании. Общее требование по продолжительности законного проживания претендентов на гражданство этой страны составляет 10 лет. Данный период сокращен до пяти лет для беженцев и до двух лет для выходцев из Латиноамериканских государств, Андорры, Филиппин, Экваториальной Гвинеи, Португалии, а также для сефардов (процедура регламентируется Законом 12/2015 от 24.06.2015 «О предоставлении испанского гражданства сефардам, происходящим из Испании»⁸).

Следующие категории иностранцев имеют право подавать ходатайства о предоставлении им испанского

гражданства по истечении одного года законного проживания на территории Испании: рожденные в Испании; своевременно не воспользовавшиеся правом выбора гражданства; находившиеся под опекой гражданина Испании или испанской попечительной организации в течение двух лет подряд, включая тех, кто продолжает находиться в такой ситуации в момент подачи ходатайства; состоящие не менее одного года в браке с испанскими гражданами на момент подачи ходатайства и неразведенные ни де-юре, ни де-факто; вдовы или вдовцы граждан Испании, если на момент смерти супруга они не проживали отдельно ни де-юре, ни де-факто; родившиеся за рубежом, чьи отец или мать, бабушка или дедушка были испанцами по происхождению.

Обязательным требованием является хороший уровень гражданского поведения, а также высокая степень интеграции в испанское общество.

Как отмечалось, Испания соблюдает принципы и нормы международного права:

ни вступление в брак, ни расторжение брака между испанским гражданином и иностранцем, ни изменение гражданства одним из супругов во время пребывания в браке не влекут за собой автоматически последствий для гражданства другого супруга;

предусматриваются во внутреннем законодательстве возможности, облегчающие приобретение его гражданства супругами испанских граждан.

Вместе с тем Испания признает за своими гражданами право иметь двойное гражданство в случаях, когда это другое гражданство автоматически в силу вступления в брак приобретается только тех государств, с которыми есть договоренность о двойном гражданстве.

Регулирование заключения брака с иностранцем имеет некоторые особенности в Испании. Специфика брака с иностранным гражданином в Испании заключается в обязательности рассмотрения «матримониального дела» до регистрации брака. Лица, желающие заключить брак, подают пакет документов (действительные документы, удостоверяющие личность (в том числе вид на жительство, если имеется), свидетельства о рождении, справки о семейном положении, справки о регистрации по месту жительства, справки об отсутствии судимости) в орган ЗАГС (*Registro Civil*) по месту жительства жениха (невесты), являющегося испанским гражданином. При приеме документов им назначается дата собеседования, целью которого является исключение фиктивности заключаемого брака. Уже после собеседования выносятся решение: регистрацию брака разрешают или отказывают по мотивам фиктивности. В случае положительного решения к регистрации брака будет применяться действующее испанское семейное законодательство.

Испания относится к числу немногочисленных стран, в которых одинаковую юридическую силу имеет и государственная, и религиозная форма брака (по желанию брачующихся в зависимости от их конфессиональной принад-

⁸ Ley 12/2015, de 24 de junio, en materia de concesión de la nacionalidad española a los sefardíes originarios de España. «BOE» núm. 151, de 25 de junio de 2015. Referencia: BOE-A-2015-7045.

лежности). Особенностью процедуры заключения брака считается обязательное его предварительное оглашение. Однако по закону при наличии серьезных оснований допускается с разрешения министра юстиции тайное бракосочетание. Как правило, регистрация брака проводится судьей, мэром или должностным лицом по месту жительства одного из будущих супругов. Обязательным является не только личное присутствие брачующихся (за исключением случаев бракосочетания через представителя), но и двух совершеннолетних свидетелей. Для действительности брака необходимо соблюдение положительных условий (добровольность, достижение совершеннолетия) и отсутствие отрицательных условий (запретная степень родства, усыновление).

В заключение хотелось бы отметить, что состояние в браке является преференцией для получения испанского гражданства по мотивам воссоединения семьи (как и для других категорий граждан, имеющих семейные связи с лицом, являющимся испанским гражданином (родители, дедушка (бабушка), усыновители)), сокращаются сроки обращения по истечении одного года законного проживания на территории этой страны. Такая позиция испанского законодателя вполне логична, поскольку брак предполагает стабильное совместное проживание, ведение общего хозяйства, рождение и воспитание детей, притом что, заключая брак с испанским гражданином, иностранец (иностранка) демонстрирует намерение высокой степени интеграции в испанское общество.

DOI: 10.18572/1999-477X-2020-2-21-25

Номинальный счет как способ защиты прав подопечных

Чашкова Светлана Юрьевна,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент
svetlanach127@rambler.ru

В статье предпринята попытка проанализировать значение введения номинальных счетов через призму положений п. 2 ст. 60 СК РФ, основываясь на сложившихся на сегодняшний день позициях судебной и банковской практики. В качестве основного критерия оценки принят принцип семейного права — обеспечение приоритета защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Ключевые слова: номинальный счет, алиментные обязательства, соглашение об уплате алиментов, способы защиты прав несовершеннолетних детей, законные представители несовершеннолетних.

A Nominal Account as a Means of Protection of Rights of Persons under Wardship

Chashkova Svetlana Yu.
Associate Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law
of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)
PhD (Law), Associate Professor

The article attempts at analyzing the meaning of introduction of nominal accounts from the perspective of the provisions of Clause 2 of Article 60 of the Family Code of the Russian Federation based on the currently developed standpoints of the judicial and bank practice. The principle of family law, namely securing priority of protection of rights and interests of minors and family members unable to work, is adopted as the key criterion.

Keywords: nominal account, child support obligations, child support payment agreement, means of protection of rights of minor children, legal representatives of minors.

Как известно, одним из основных принципов семейного права является принцип обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи. Проявлением данного принципа, в частности, является возложение на государ-

ство обязанности создавать систему (законодательных, организационных, исполнительных мер) по охране прав несовершеннолетних детей¹, которая включает в себя не

¹ Статья 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющая право на уважение частной и семейной жизни, в ее истолковании

только закрепление соответствующих прав несовершеннолетних детей, но и создание эффективного механизма, обеспечивающего их реализации.

Одним из важнейших семейных прав ребенка является право на получение алиментов. Схематично охраняемый механизм его реализации выглядит следующим образом.

Первым элементом данного механизма выступает безусловный характер права ребенка на алименты, существование которого не зависит от материального положения ребенка и (или) его законного представителя, с которым он проживает. Такому праву корреспондирует обязанность родителя (при соответствующих условиях бабушки (дедушки), совершеннолетних братьев (сестер) — глава 15 СК РФ) по уплате алиментов.

Вторым элементом охранного механизма является расширенный перечень оснований возникновения алиментного обязательства за счет присоединения к судебному решению и нотариально удостоверенному соглашению об уплате алиментов судебного приказа. При этом установлен ретроспективный момент возникновения алиментного обязательства при взыскании алиментов в судебном порядке (п. 2 ст. 107 СК РФ) в сочетании с возможностью вынесения судом постановления о взыскании алиментов на период рассмотрения дела (ст. 108 СК РФ).

Кроме того, неисполнение или ненадлежащее исполнение алиментной обязанности сопровождается возможностью применения к плательщику алиментов мер публично-правовой и специальной семейно-правовой ответственности, выступающей **третьим элементом** механизма охраны прав ребенка на получение алиментов.

Все указанные выше «охраняемые» особенности правового регулирования алиментных обязательств, получателем алиментов в которых выступает ребенок, многократно становились предметом научных исследований различных уровней.

Вместе с тем сами алименты, будучи некой материальной субстанцией, являются **разновидностью имущества**, принадлежащего несовершеннолетнему ребенку. В данной статье хотелось бы обратиться к анализу механизма охраны прав ребенка на алименты именно как на взысканные средства, т.е. с момента исполнения алиментного обязательства со стороны плательщика и поступления алиментов получателю.

Представляется, что, прежде чем приступить к анализу механизма охраны права ребенка на **полученные алименты**, следует четко определиться с титулом, которым обладает на них ребенок.

Положения семейного и гражданского законодательства не содержат прямого указания на то, что полученные (взысканные) алименты являются собственностью полу-

Европейским судом по правам человека обязывает национальные власти обеспечивать соблюдение справедливого баланса между конкурирующими интересами и при определении такого баланса особое значение придавать коренным интересам ребенка, которые в зависимости от их характера и важности могут иметь приоритет над аналогичными интересами родителей. См.: Решение Европейского суда по правам человека от 24 ноября 2005 г. по вопросу приемлемости жалобы «Владимир Лазарев и Павел Лазарев против России» // СПС «КонсультантПлюс».

чателя алиментов. Вместе с тем в соответствии с абз. 1 п. 3 ст. 60 СК РФ ребенок имеет право собственности на **доходы**, полученные им, имущество, полученное им в дар или в порядке наследования, а также на любое **другое имущество**, приобретенное на средства ребенка. Представляется, что алименты представляют собой разновидность доходов, получаемых ребенком на содержание. Такой вывод совершенно логично следует из положений п. 1 ст. 37 ГК РФ, в первом предложении которого закрепляется общее правило о порядке распоряжения доходами, тогда как из второго предложения данного пункта следует, что из всех видов доходов выделяются суммы алиментов, пенсий, пособий, возмещения вреда здоровью и вреда, понесенного в случае смерти кормильца, а также иные выплачиваемые на содержание подопечного средства. При этом использованная далее оговорка — «за исключением доходов, которыми подопечный вправе распоряжаться самостоятельно» — самым непосредственным образом указывает на алименты как на разновидность доходов, но с особым правовым режимом. Аналогичное толкование приведенных положений имеет место в судебной практике.

В частности, в одном из определений Верховного Суда РФ указано следующее: «...по смыслу данной правовой нормы, за ребенком, которому причитаются выплаты сумм в качестве алиментов, пенсий, пособий, **фактически признается право собственности на эти суммы** (выделено мной. — С.Ч.), а родители либо лица, их заменяющие, являются лишь распорядителями таких денежных средств, расходование которых определено законом исключительно на содержание, воспитание и образование ребенка». Данный вывод сегодня активно тиражируется судами судов субъектов РФ².

Кроме того, в Определении Московского городского суда от 9 июля 2013 г. № 4г/8-6104³ отмечен особый характер таких доходов: «...в соответствии со ст. 26 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе самостоятельно, без согласия родителей, усыновителей и попечителя распоряжаться своим заработком, стипендией и иными доходами. Вместе с тем денежные средства, о взыскании которых просит истец, личным доходом несовершеннолетней не являются, а являются алиментами, которые поступают на ее счет в результате исполнения своих алиментных обязательств ее отцом К. Согласно ч. 1 ст. 60 СК РФ суммы, причитающиеся ребенку в качестве алиментов, пенсий, пособий, поступают в распоряжение родителей (лиц, их заменяющих) и расхо-

² См., напр.: Апелляционное определение Свердловского областного суда от 4 октября 2018 г. по делу № 33а-17693/2018; Апелляционное определение МГС от 16 марта 2017 г. по делу № 33-11551; Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 2 ноября 2017 г. по делу № 33-10607/2017; Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 31 августа 2017 г. по делу № 33-5980/2017; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 5 декабря 2017 г. № 33а-26219/2017; Апелляционное определение Ростовского областного суда от 19 июля 2017 г. по делу № 33а-12078/2017; и др. // Официально опубликованы не были. СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Московского городского суда от 9 июля 2013 г. № 4г/8-6104 // Официально опубликовано не было. СПС «КонсультантПлюс».

дуются ими на содержание, воспитание и образование ребенка. Разрешая спор, суд пришел к правильному выводу, что имеющиеся на счете несовершеннолетнего денежные средства не являются ее заработком, которым она вправе распоряжаться самостоятельно».

Будучи доходами получателя, алименты являются имуществом со **специальным целевым назначением**. Как следует из п. 2 ст. 80 СК РФ, алименты – это средства на содержание детей⁴. Цель поступления алиментных платежей предопределила особый порядок распоряжения ими. Согласно п. 2 ст. 60 СК РФ суммы, причитающиеся ребенку в качестве алиментов, пенсий, пособий, поступают в распоряжение родителей (лиц, их заменяющих) и расходуются ими на содержание, воспитание и образование ребенка.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что речь идет об алиментах как о «**суммах**, причитающихся ребенку». Иными словами, если алименты выплачиваются не в денежной, а в натуральной форме, то соответствующее правило не действуют. Следует иметь в виду, что помимо судебных актов основанием возникновения алиментных обязательств выступает соглашение об уплате алиментов, в соответствии с которым алименты могут взыскиваться не только в деньгах, но и в натуре (п. 2 ст. 104 СК РФ). Тогда как в судебном порядке взыскание в натуральной форме допускается в исключительных случаях, предусмотренных в ст. 118 СК РФ.

Вместе с тем закрепление в качестве общего требования поступления сумм алиментов в распоряжение законного представителя не порочит наличие права собственности на данные средства именно у ребенка-получателя алиментов, что, к сожалению, не очевидно, если суммы алиментов находятся на счете законного представителя ребенка, и при возникновении спора данный факт подлежит доказыванию.

Отталкиваясь от сделанного выше вывода о том, что алименты представляют собой **разновидность доходов** (в денежной или в натуральной форме) **со специальным целевым назначением принадлежащих получателю алиментов на праве собственности**, постараемся определить способы охраны прав ребенка на уже поступившие в его собственность алименты с целью обеспечения исполнения законным представителем обязанности направить их на нужды получателя.

Для анализа данного механизма имеет смысл дифференцировать форму выплаты алиментов. В том случае, если алименты поступили в собственность в натуральной форме, то здесь никаких особых механизмов защиты как целевого имущества, кроме уже установленных в общих нормах, направленных на обеспечение неприкосновенности права собственности, ни семейное, ни гражданское законодательство не предоставляет; в случае нарушения прав собственности на алименты в натуральной форме

будут применяться общие и специальные способы защиты права собственности.

Но в случае, если алименты выплачиваются в денежной форме, учитывая **целевой характер** таких выплат, с целью обеспечения их расходования на нужды ребенка, установление правила о поступлении сумм алиментов в распоряжение законного представителя ребенка. Такое законодательное решение опирается на презюмирование отсутствия у ребенка не только требуемого объема дееспособности, но и уровня психической зрелости, достаточного для осознания своих интересов (потребностей) и действия в соответствии с ними. То обстоятельство, что денежные средства, являющиеся собственностью одного лица, в силу закона должны поступить в обладание другого лица с целью распоряжения ими, делает необходимым введение дополнительного механизма защиты (охраны) прав собственника денежных средств.

Вместе с тем в литературе высказано мнение, что «механизм контроля за соблюдением вышеуказанной нормы права законодательством не предусмотрен. Хотя в схожих правоотношениях, когда уход за ребенком осуществляется опекуном или попечителем, предусмотрен контроль за расходованием денежных средств (в том числе алиментов) ребенка, ст. 37 ГК РФ устанавливает, что опекун или попечитель предоставляет отчет о расходовании сумм, зачисляемых на отдельный номинальный счет, в порядке, установленном Федеральным законом от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»⁵. Невозможно безоговорочно согласиться с таким утверждением. Так, в абз. 2 п. 2 ст. 60 СК РФ закреплен один из способов защиты прав ребенка на случай злоупотребления родителем своими полномочиями по распоряжению: суд по требованию родителя, обязанного уплачивать алименты на несовершеннолетних детей, вправе вынести решение о перечислении не более 50% сумм алиментов, подлежащих выплате, на счета, открытые на имя несовершеннолетних детей в банках.

Для целей написания данной статьи и оценки необходимости существования и эффективности исследуемого защитного механизма показательными являются ситуации, возникновение которых привело к вынесению указанных выше судебных решений о признании именно за детьми права собственности на суммы алиментов.

Во всех случаях спор был обусловлен наложением ареста на суммы детских алиментов, находившихся на счетах их законных представителей, по долгам последнего. Можно предположить еще одну рискованную ситуацию, которая, к сожалению, встречается в жизни, – смерть законного представителя, при наступлении которой в состав наследственной массы умершего формально попадают находящиеся на его счете суммы детских алиментов, что ведет к нарушению права собственности ребенка.

Представляется, что совершенствование законодательства о банковских счетах в части введения номинальных счетов было в том числе направлено на защиту

⁴ Разумеется, здесь не имеется в виду отождествление понятий «алименты» и «содержание». Более подробно об освещении позиций по разграничению данных понятий см.: Ксенофонтова Д.С. Правовые гарантии в сфере алиментирования: монография. М.: Статус, 2018. С. 59–62.

⁵ Румянцев М.А. Отчет о расходовании алиментов // Вестник исполнительного производства. 2019. № 2. С. 25–32.

имущественных прав лиц, средства которых «вынужденно» находились на счетах третьих лиц. В соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ для этих целей в главе 45 ГК РФ появились положения о номинальном счете⁷. Как замечает Л.Г. Ефимова, «номинальный счет относится к числу счетов, на которых учитывается имущество, не принадлежащее владельцу банковского счета (так называемое “чужое” имущество). Таким образом, особенностью номинальных счетов является установленная законом правовая связь между остатком номинального счета и бенефициаром. Денежные средства, учитываемые на номинальном счете, принадлежат бенефициару, а не владельцу счета. Владелец номинального счета распоряжается этими денежными средствами на разных правовых основаниях, но всегда в интересах бенефициара. Этим номинальные счета отличаются от обычных банковских счетов, на которые различные лица вносят свои платежи в пользу владельца счета»⁸. Гарантия сохранности денежных средств бенефициаров, находящихся на номинальном счете, заключается в том, что на них запрещено обращение взыскания по долгам владельца счета.

Таким образом, можно сделать вывод, что требования п. 1 ст. 37 ГК РФ по возложению на опекунов или попечителей обязанности открывать номинальные счета, бенефициаром по которым являются дети, по сути, служат целям защиты имущественных прав детей на поступившие средства на их содержание.

Однако возникает вопрос: распространяется ли данное требование на родителей при исполнении ими предписаний п. 2 ст. 60 СК РФ?

К огромному сожалению, в несколько принятых на сегодняшний день судебных решениях, в которых дано толкование положений п. 1 ст. 37 ГК РФ в части возложения обязанности на опекунов (попечителей) по открытию номинальных счетов, суды отказались распространить данное требование на родителей. Так, Московский городской суд в одном из определений указал следующее: «...открытие номинальных счетов должно осуществляться в соответствии со ст. 421 ГК РФ **только в добровольном порядке** (выделено мной. — С.Ч.) и не может быть обязанностью родителя ребенка... положения ст. 37 СК РФ, на которую ссылается представитель ответчика, регулируют вопросы перечисления денежных средств на ребенка **его опекунам и попечителям, а не законным представите-**

лям (родителям) (выделено мной. — С.Ч.) и также не предусматривают обязанности открытия номинального счета...»⁹

Кроме того, как можно заключить из письма ЦБ России от 1 июня 2015 г. № 04-31-2/4745¹⁰, банки также буквально «читают» положения п. 1 ст. 37 ГК РФ, рассматривая в качестве субъектов, имеющих право на открытие номинальных счетов в соответствии с п. 1 ст. 37 ГК РФ только опекунов и попечителей.

Вместе с тем с таким «узким» прочтением (толкованием) положений п. 1 ст. 37 ГК РФ согласиться невозможно по следующим причинам. Так, согласно абз. 3 п. 3 ст. 60 СК РФ при осуществлении родителями правомочий по управлению имуществом ребенка на них распространяются правила, установленные гражданским законодательством в отношении распоряжения имуществом подопечного (ст. 37 Гражданского кодекса РФ). Хотелось бы акцентировать внимание на том, что данная отсылка сделана ко всей ст. 37 ГК РФ, а не к каким-либо ее отдельным пунктам. «Несмотря на то что в данной статье используются термины “опекун” и “попечитель”, она в полном объеме распространяет свое действие на осуществление родителями своих полномочий как законных представителей детей, что подтверждается позицией КС РФ»¹¹. В Определении Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ) от 24 сентября 2013 г. № 1280-О на основе анализа положений семейного и гражданского законодательства был сделан следующий вывод: «Пункт 2 статьи 37 ГК Российской Федерации направленный на защиту имущественных прав подопечных (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 года № 1119-О), а также с учетом распространения в силу абзаца третьего пункта 3 статьи 60 Семейного кодекса Российской Федерации правил в отношении распоряжения имущества подопечного на осуществление родителями правомочий по управлению имуществом ребенка и на защиту имущественных прав несовершеннолетних детей, не может рассматриваться как нарушающий конституционные права и свободы заявительницы...»¹².

Указание в данном акте КС РФ только на п. 2 ст. 37 ГК РФ обусловлено тем, что предметом рассмотрения КС РФ в приведенном определении была проверка конституционности лишь данного пункта. В связи с этим нельзя утверждать, что КС РФ распространил на родителей дей-

⁹ Апелляционное определение Московского городского суда от 14 января 2019 г. № 33-1029/2019. Аналогичный вывод был сделан также в Апелляционном определении Московского городского суда от 20 мая 2019 г. по делу № 33-22360/2019. См.: Официально опубликованы не были. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Письмо Банка России от 1 июня 2015 г. № 04-31-2/4745 «Об отдельном номинальном счете, открываемом опекуну или попечителю для зачисления денежных средств, выплачиваемых на содержание подопечного» // Вестник Банка России. 2015. № 50.

¹¹ Чашкова С.Ю. Удостоверение нотариусом сделок, связанных с распоряжением недвижимым имуществом на условиях опеки, а также сделок по отчуждению недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетнему // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3. С. 43.

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1280-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Зубовой Таисии Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 37 и статьей 250 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официально опубликовано не было. СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // В данной редакции опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Сегодня в связи с принятием Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» положения о номинальном счете структурно находятся в § 2 главы 45.

⁸ Ефимова Л.Г. Договоры банковского вклада и банковского счета: монография. М.: Проспект, 2018. 432 с.

ствие исключительно п. 2 ст. 37 ГК РФ, а не все правила, содержащиеся в ст. 37 ГК РФ. Подтверждением сказанному может служить распространение судами на родителей действия п. 3 ст. 37 ГК РФ без каких-либо изъятий¹³.

Указание в абз. 2 п. 1 ст. 28 ГК РФ на необходимость применения к действиям родителей положений п. 2 и 3 ст. 37 ГК РФ (то есть отсутствие ссылки на п. 1 ст. 37 ГК РФ) также не меняет ситуацию. Поскольку содержащиеся в п. 2 и 3 правила регулируют вопросы совершения сделок от имени несовершеннолетних, тогда как управление их имуществом (о чем говорится в п. 3 ст. 60 СК РФ) носит более широкий характер и охватывает помимо совершения сделок также случаи распоряжения доходами детей в порядке п. 1 ст. 37 ГК РФ. «Управление в частном праве представляет собой функцию, пронизывает все институты частного права, основывается на господстве управляющего над лицом или имуществом»¹⁴.

Возвращаясь к приведенным выше выводам Московского городского суда об отсутствии у родителей в силу ст. 421 ГК РФ обязанности об открытии номинальных счетов, следует обратить внимание на то, при каких обстоятельствах такие выводы были сделаны. В обоих случаях речь шла об обжаловании отказа Главного управления Пенсионного фонда перечислить суммы пенсий детей на банковские счета родителей, не являющиеся номинальными счетами вопреки требованиям п. 1 ст. 37 ГК РФ. Представляется, что по сути ситуации суд не мог не удовлетворить требования истцов, поскольку право ребенка на получение пенсии не может зависеть от неисполнения его родителями предписаний закона об открытии номинальных счетов. Однако Пенсионный фонд был абсолютно прав в том, что именно номинальный счет должен быть открыт родителями как законными представителями для перечисления на него сумм пенсий.

Таким образом, мы столкнулись с парадоксальной ситуацией (что не редкость в российском правовом регулировании): выстроенный механизм защиты прав детей (п. 2 ст. 60 СК РФ и п. 1 ст. 37 ГК РФ), заключающийся в том, что суммы средств на содержание ребенка должны попадать в распоряжение его законных представителей на особый номинальный счет, может потерпеть фиаско. Административный характер отношений, складывающийся между опекунами (попечителями) и органом опеки и попечительства, позволяет последнему выполнять контроль-

ные функции по отношению к данной категории законных представителей. Контролировать поведение всех родителей детей, получающих указанные в п. 2 ст. 60 СК РФ средства на содержание, в части исполнения ими обязанности по открытию номинальных счетов практически невозможно, даже применяя положения п. 2 ст. 64 СК РФ. Поэтому остается надеяться на сознательность самих родителей, тем более что согласно п. 1 ст. 64 СК РФ защита прав и интересов детей возлагается именно на них.

Вместе с тем в ситуациях усиления публичного порядка защиты прав несовершеннолетних детей у должностного лица, реализующего соответствующие полномочия, есть возможность требовать от родителей установленных действующим законодательством обязанностей. В частности, речь идет о нотариусах, в обязательном порядке удостоверяющих соглашения об уплате алиментов, тем самым делая последние исполнительными документами. Проверка соблюдения родителями положений п. 2 ст. 60 СК РФ и п. 1 ст. 37 ГК РФ в случае, если по его условиям алименты подлежат уплате в безналичной денежной форме, нотариус при удостоверении сделки должен удостовериться в открытии номинального счета на имя родителя, где бенефициаром указан ребенок как получатель алиментов. «Принцип публичности в деятельности нотариуса и его правозащитная функция тесно взаимосвязаны. Защищая права и законные интересы граждан и юридических лиц, нотариус тем самым реализует публичный интерес, проявляющийся в создании благоприятных условий для экономической деятельности и гражданского оборота, для стабильной жизни»¹⁵. В соответствии с требованиями Регламента совершения нотариальных действий¹⁶, а также учитывая сущность данного соглашения как исполнительного документа, нотариус также должен зафиксировать в тексте соглашения об уплате алиментов данные номинального счета, тем самым обеспечивая беспрепятственное принудительное исполнение алиментной обязанности и защиту прав собственности ребенка на полученные в качестве алиментов денежные средства.

¹⁵ Бегичев А.В. Сущность правозащитной деятельности нотариата в системе социальной функции государства // Нотариус. 2015. № 5. С. 26–29.

¹⁶ Приказ Минюста России от 30 августа 2017 г. № 156 «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования» (ред. от 05.07.2019) (вместе с «Регламентом совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающим объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования», утв. решением Правления ФНП от 28.08.2017 № 10/17, Приказом Минюста России от 30.08.2017 № 156) (зарег. в Минюсте России 06.09.2017 № 48092) // Официально опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См., напр.: Определение Верховного Суда РФ от 24 апреля 2012 г. № 49-В12-1 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Харитонов Ю.С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 16.

Литература

1. Ефимова Л.Г. Договоры банковского вклада и банковского счета: монография / Л.Г. Ефимова. Москва: Проспект, 2018. 432 с.
2. Ксенофонтова Д.С. Правовые гарантии в сфере алиментирования: монография / Д.С. Ксенофонтова. Москва: Статут, 2018. 207 с.
3. Румянцев М.А. Отчет о расходовании алиментов / М.А. Румянцев // Вестник исполнительного производства. 2019. № 2. С. 25–32.
4. Харитонов Ю.С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики / Ю.С. Харитонов. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2011. 304 с.
5. Чашкова С.Ю. Удостоверение нотариусом сделок, связанных с распоряжением недвижимым имуществом на условиях опеки, а также сделок по отчуждению недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетнему / С.Ю. Чашкова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3. С. 41–47.

К вопросу о лишении родительских прав как крайней меры семейно-правовой ответственности

Шиманчик Кира Валерьевна,
секретарь судебного заседания
Петрозаводского городского суда Республики Карелия,
магистр юриспруденции
kiryunya_94@mail.ru

Лишение родительских прав — крайняя мера. Правильное рассмотрение гражданских дел, связанных с лишением родительских прав, влияет не только на благополучие сторон, но и на судьбы конкретных детей. В этой связи возникают проблемные аспекты, требующие разрешения и дополнительного правового регулирования. В настоящей статье рассматриваются вопросы, касающиеся оснований применения лишения родительских прав как крайней меры семейно-правовой ответственности, предлагаются к легальному закреплению понятия исключительности и цели лишения родительских прав, а также рассматривается возможность раскрытия понятия психического насилия над ребенком как основания к применению данной меры.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, семейное право, лишение родительских прав.

On Deprivation of Parental Rights as an Extreme Measure of Liability under Family Law

Shimanchik Kira V.
Court Session Secretary of the Petrozavodsk City Court
of the Republic of Karelia
LL.M.

Deprivation of parental rights is an extreme measure. The proper consideration of civil cases involving the deprivation of parental rights affects not only the well-being of the parties, but also the fate of specific children. In this regard, problematic aspects arise that require permission and additional legal regulation. This article discusses issues related to the grounds for the application of deprivation of parental rights as an extreme measure of family legal responsibility, and also proposes the legal consolidation of the concept of exclusivity and the purpose of deprivation of parental rights, and considers the possibility of disclosing the concept of mental abuse of a child as the basis for the application of this measure.

Keywords: civil proceedings, family law, deprivation of parental rights.

Споры, связанные с воспитанием детей, представляются одной из наиболее сложных категорий дел, подсудных судам общей юрисдикции. Поддерживая мнение П.А. Якушева, кандидата юридических наук, судьи Владимирского областного суда, о том, что «при рассмотрении дел о лишении родительских прав суды достаточно единообразно применяют нормы материального и процессуального права. Возникающие затруднения связаны с оценкой фактических обстоятельств дела, установлением достаточности оснований для лишения родительских прав...»¹, полагаем, что правильное рассмотрение таких дел в данном случае влияет не

только на благополучие сторон, но и на судьбы конкретных детей. В ходе рассмотрения гражданских дел возникают проблемные вопросы, не имеющие правового ответа, но непременно требующие разрешения и дополнительного правового регулирования.

Прежде всего, следует отметить, что понятие исключительности такой меры семейно-правовой ответственности, как лишение родительских прав, не имеет легального закрепления. Правоприменителям остается лишь трактовать данную категорию исходя из общих представлений о праве, основываясь на трудах ученых-правоведов, заслуженных деятелей науки, а также изучая судебную практику по данным спорам. Мы соглашаемся с мнением С.В. Зыкова о том, что исключительность лишения родительских прав

¹ Якушев П.А. Лишение родительских прав и традиционные семейные ценности: процессуальные аспекты гармонизации // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7. № 5. С. 283–292.

должна быть не только установлена доктринально или в порядке общих разъяснений, но и получить прямое легальное закрепление².

Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) содержит положение о том, что каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам³. Особую сложность представляет надлежащее осуществление родительских прав лицами, находящимися под стражей, или лицами, осужденными приговором суда к наказанию в виде лишения свободы. Суду, разрешающему вопрос лишения родительских прав в отношении такого лица, предстоит выяснить, какие меры данное лицо предприняло для надлежащего исполнения возложенных обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка. Безусловно, что в случае, если до помещения под стражу лицо не исполняло родительские обязанности и в период нахождения под стражей данное поведение не изменилось, вопросов об основаниях лишения родительских прав у суда не возникнет. Но каким образом определить, имеются ли основания, предусмотренные ст. 69 СК РФ, для лишения родительских прав лица, находящегося под стражей, если оно, допустим, поздравляет ребенка с праздниками посредством направления корреспонденции, но иным образом не принимает участия в воспитании и содержании ребенка? Данный вопрос останется на усмотрение суда. Нельзя согласиться, что сам факт нахождения в местах лишения свободы является уважительной причиной уклонения от исполнения родительских обязанностей. Однако в судах по данному вопросу сформировалась различная практика.

Так, Решением Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 22 мая 2018 г. К. лишена родительских прав в отношении своего несовершеннолетнего ребенка. Иск был предъявлен учреждением социального обслуживания, в котором находился ребенок, к обоим родителям. На момент предъявления иска отец ребенка находился в местах лишения свободы. Родители, по мнению стороны истца, полностью уклонились от воспитания и содержания ребенка, никаких действий по возвращению ребенка в семью не предпринимали. В мотивировочной части решения суд указал о том, что для лишения родительских прав матери имеются достаточные основания, но оснований для лишения родительских прав отца ребенка суд не усмотрел, поскольку ответчик отбывает наказание в виде лишения свободы, в связи с чем не имеет возможности осуществлять родительские обязанности, а также

ответчик не имеет намерения отказываться от ребенка. Решение суда не обжаловалось⁴.

В то же время Апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Карелия от 11 сентября 2018 г. отменено решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 27 июня 2018 г. по иску П. к В. о лишении родительских прав, которым суд первой инстанции предупредил отца ребенка о необходимости изменения своего отношения к воспитанию несовершеннолетнего ребенка, отказав в удовлетворении иска. Судом первой инстанции установлено, что ответчик отбывает наказание в исправительной колонии строгого режима по приговору суда. Истица указывала, что ответчик не принимал участия в воспитании ребенка, не оказывал необходимой моральной и материальной помощи ребенку. Апелляционной инстанцией было установлено, что ответчик на момент предъявления иска имеет задолженность по уплате алиментов, хотя периодически был трудоустроен в различных должностях в местах отбывания наказания. Учитывая все обстоятельства дела, характеризующие данные ответчика, заключение прокурора, мнение несовершеннолетнего ребенка, суд апелляционной инстанции отменил решение Петрозаводского городского суда, лишив В. родительских прав в отношении несовершеннолетнего ребенка⁵. Какие именно основания увидела Судебная коллегия для применения лишения родительских прав как крайней меры семейно-правовой ответственности в данном случае, которые не усмотрел суд первой инстанции, является вопросом к размышлению.

При этом следует обратить внимание, что исполняющим обязанности прокурора города были представлены возражения на апелляционную жалобу истца. Однако в судебном заседании апелляционной инстанции прокурор полагал решение суда подлежащим отмене с принятием нового решения об удовлетворении исковых требований. По мнению С.В. Тетюева, кандидата юридических наук, задача прокурора – помочь суду вынести правильное решение, и изменение позиции прокурором после вынесения решения по делу справедливо критикуется в юридической науке⁶. Из этого следует, что заключение прокурора по делу не должно носить формальный характер, хотя, как справедливо отмечает В.Д. Милосавлевич, участвуя в рассмотрении гражданских дел о лишении родительских прав по правилам ч. 3 ст. 45 ГПК РФ⁷, про-

² Зыков С.В. О выражении в законодательстве исключительного характера применения лишения родительских прав в качестве меры семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. 2017. № 2.

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁴ Решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 22 мая 2018 г. по делу № 2-2735/2018 // Архив Петрозаводского городского суда Республики Карелия.

⁵ Решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 27 июня 2018 г. по делу № 2-4063/2018; Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Карелия от 11 сентября 2018 г. // Архив Петрозаводского городского суда Республики Карелия.

⁶ Тетюев С.В. Заключение прокурора в гражданском процессе // Гражданский процесс. 2018. № 12. С. 28.

⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

куроры активно пользуются процессуальными правами с целью разрешения споров в соответствии с положениями действующего семейного законодательства, обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних⁸.

В. В. Ершов указывает, что правосудие возможно более обоснованно рассматривать как особый вид государственной деятельности, сущность которой состоит в рассмотрении и разрешении судами дел в соответствии, прежде всего, с принципами и нормами права, реализующимися в государстве, с целью защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод и правовых интересов лиц, как участвующих, так и не участвующих в данном споре⁹. Для того чтобы в государстве соблюдались и защищались права несовершеннолетних детей, как того требует Конвенция о правах ребенка¹⁰, следует законодательно закрепить цель лишения родительских прав. На сегодняшний день Верховным Судом России определено, что лишение родительских прав — это крайняя мера семейно-правовой ответственности, но цель лишения родителей прав в отношении своих детей не раскрыта. Полагаем, истинной целью лишения родительских прав является защита прав и законных интересов несовершеннолетних. Зачастую, знакомясь с судебными постановлениями, складывается впечатление, что целью лишения родительских прав является некое наказание родителя за то, что он ненадлежащим образом исполняет обязанности по отношению к своему ребенку. В таких случаях осуществляемая судами функция обеспечения прав и свобод участников процесса переходит на второй план. Закрепление цели лишения родительских прав на законодательном уровне, по нашему мнению, поспособствует еще большему принятию судами решений, основанных на соблюдении прав и законных интересов, прежде всего, несовершеннолетних, защита которых находится под охраной государства.

Теперь рассмотрим вопросы, требующие разрешения, касающиеся оснований лишения родительских прав. Первым основанием, указанным в ст. 69 СК РФ, служащим применению исключительной меры семейно-правовой ответственности, является уклонение от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов. Но открытым остается вопрос: каким образом на практике отнести определенные действия родителей к уклонению от выполнения обязанностей по отношению к своим детям? Даже если, основываясь на общих представлениях о добре и зле, возможно определить, уклонился ли родитель от выполнения своих обязанностей, то неизвестно, каким образом установить, что это основание именно к лишению родительских прав, а

не, допустим, к ограничению в родительских правах или к предупреждению родителя о необходимости изменения своего отношения к воспитанию ребенка. Нередко на практике встречаются случаи, когда родители, однажды уклонившись от воспитания ребенка, пройдя профилактические беседы, «встают на путь истинный» и в дальнейшем не допускают повторного проявления такого отношения к своему ребенку. В данном случае, полагаем, речь должна идти о неоднократности уклонения от выполнения обязанностей родителя. Представляется, целесообразно абз. 2 ст. 69 СК РФ изложить следующим образом: «...злостно уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов». Это, прежде всего, защитит право ребенка жить и воспитываться в семье, не допуская возможности лишения родительских прав при однократном проявлении уклонения от воспитания ребенка. Вопрос о системности уклонения не может быть поставлен, поскольку пока орган по опеке будет подсчитывать, сколько раз родитель уклонился от воспитания ребенка, права несовершеннолетнего останутся незащищенными. Хотя вопрос о злостном и (или) системном уклонении родителя от воспитания является спорным. Например, П. А. Якушев полагает, что предложение в юридической литературе заменить словосочетание «уклонение от выполнения обязанностей родителя» на «злостное и (или) систематическое уклонение от выполнения обязанностей родителя» является излишним, поскольку опасения лишения родительских прав за разовую незначительную провинность не основаны на реалиях российской судебной практики¹¹.

Еще одним основанием для применения крайней меры семейно-правовой ответственности является жестокое обращение с детьми, в том числе осуществление физического или психического насилия над ними. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»¹² раскрывает понятие жестокого обращения с ребенком, однако форм выражения психического насилия над ребенком данное Постановление Пленума ВС РФ не содержит. Таким образом, возникает проблема применения крайней меры семейно-правовой ответственности по данному основанию. При определении понятия психического насилия обратимся к теории уголовного права. Некоторые ученые-правоведы полагают, что содержательную сторону психического насилия

⁸ Милосавлевич В. Д. Участие прокуроров в рассмотрении судами гражданских дел о лишении родительских прав // Законность. 2018. № 2 (1000). С. 16–19.

⁹ Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. С. 381.

¹⁰ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990, ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13.06.1990 № 1559-1) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

¹¹ Якушев П. А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография. М.: Проспект, 2018.

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. 2017. 20 ноября.

составляет только угроза физического насилия¹³. Другие ученые относят к формам выражения психического насилия угрозы причинения имущественного вреда и лишения каких-либо благ. Мы соглашаемся с мнением Д.В. Попова, полагающего, что при психическом насилии воздействие предполагает возникновение негативных последствий или возможности их наступления. Например, страха, стресса, ощущения опасности. Д.В. Попов также полагает, что обещание выгоды воздействует на психику не так, как действия при психическом насилии. При обещании выгоды возникают исключительно положительные эмоции, поднимается настроение ввиду предвкушения реализации представлений¹⁴. Таким образом, можно сделать вывод, что определение или раскрытие понятия психического насилия над ребенком позволит правоприменителям наи-

более точно сопоставить действия родителей с данным основанием лишения родительских прав.

Как указывалось ранее, лишение родительских прав — это крайняя мера. Анализируя судебную практику, можно с уверенностью сказать, что суды полностью придерживаются данной точки зрения. В частности, в судебной практике Московского городского суда гораздо больше дел, разрешенных в пользу ответчика, нежели дел, решения по которым вынесены в пользу истца¹⁵.

Подводя итог, следует отметить, что, лишая родителя родительских прав, суд должен быть уверен, что иным образом защитить права несовершеннолетнего не представляется возможным. И будь то удовлетворение иска о лишении родительских прав или отказ в удовлетворении таких требований, веса должны перевесить в пользу защиты прав несовершеннолетнего.

¹³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Арендаренко, Н.Н. Афанасьева, В.Е. Батюкова. М., 1997. С. 220; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. И. Радченко, А.С. Михлина. М., 2000. С. 225.

¹⁴ Попов Д.В. О психическом насилии как признаке объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. ст. 150, 151 УК РФ // Российский судья. 2016. № 12.

¹⁵ Спор о лишении родительских прав (на основании судебной практики Московского городского суда) // Помощник адвоката. 2019. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJL&n=97727#035843599609884147>

Литература

1. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : монография / В.В. Ершов. Москва : РГУП, 2018. 627 с.
2. Зыков С.В. О выражении в законодательстве исключительного характера применения лишения родительских прав в качестве меры семейно-правовой ответственности / С.В. Зыков // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 9–11.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / ответственные редакторы И. Радченко, А.С. Михлина. Москва : Спарк, 2000. 862 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под редакцией А.В. Арендаренко, Н.Н. Афанасьева, В.Е. Батюкова. Москва : Проспект, 1997. 760 с.
5. Милосавлевич В.Д. Участие прокуроров в рассмотрении судами гражданских дел о лишении родительских прав / В.Д. Милосавлевич // Законность. 2018. № 2 (1000). С. 16–19.
6. Попов Д.В. О психическом насилии как признаке объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. ст. 150, 151 УК РФ / Д.В. Попов // Российский судья. 2016. № 12. С. 36–41.
7. Тетюев С.В. Заключение прокурора в гражданском процессе / С.В. Тетюев // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 27–28.
8. Якушев П.А. Лишение родительских прав и традиционные семейные ценности: процессуальные аспекты гармонизации / П.А. Якушев // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7. № 5. С. 283–292.
9. Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика : монография / П.А. Якушев. Москва : Проспект, 2018. 144 с.

Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа "Юрист"» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.
2. Дословное копирование более 10 % работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.
3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 % оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.
4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

Баланс интересов сторон договора управления многоквартирным домом по вопросу платы за содержание жилого помещения

Киракосян Сусана Арсеновна,
доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент
susanak@mail.ru

В статье сделан вывод о достижении баланса интересов сторон договора управления многоквартирным домом через согласование обоснованного размера платы за содержание жилого помещения. Автором предложены критерии обоснованного размера платы и показана их практическая применимость в случаях оспаривания экономически необоснованного размера платы.

Ключевые слова: многоквартирный дом, общее имущество, управляющая организация, собственник помещения, договор управления, содержание жилого помещения.

A Balance of Interests of Parties to an Apartment Block Management Agreement with Regards to the Issue of Payment for Maintenance of a Residential Premise

Kirakosyan Susana A.
Associate Professor of the Department of Legal Regulation
of Economic Operations of the Financial University
under the Government of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

The article concludes that the balance of interests of the parties to the contract for the management of the apartment building is achieved through the agreement of the reasonable amount of the cost of maintaining the dwelling. The author proposes criteria for the reasonable size of the fee and shows their practical applicability in cases of challenging the economically unjustified size of the fee.

Keywords: apartment house, general property, management company, apartment owner, management contract, housing services.

Размер платы за содержание жилого помещения является существенным условием договора управления многоквартирным домом (ч. 3 ст. 162 ЖК РФ). Как и любое условие договора, оно должно соответствовать обязательным для сторон императивным нормам права, действующим в момент заключения договора (п. 1 ст. 422 ГК РФ).

Такие обязательные условия закреплены в ст. 156 ЖК РФ. Формулировка статьи передает смысл двустороннего согласования существенного условия договора¹. Управляющая организация формирует перечень затрат на услуги, работы по управлению, содержанию и текущему ремонту общего

имущества дома и согласовывает его с собственниками помещений². Плата за содержание жилого помещения должна обеспечивать «надлежащее содержание общего имущества в многоквартирном доме в соответствии с требованиями законодательства» (ч. 1 ст. 156 ЖК РФ). Такую модель баланса интересов собственников помещений и управляющей организации заложил законодатель.

Но, несмотря на достаточную определенность законодательных формулировок, на практике в ней зачастую происходят перекосы. Это объясняется противоположно

¹ Дурново Д.В. Жители уменьшили размер платы за содержание общего имущества // ЖКХ: бухгалтерский учет и налогообложение. 2017. № 9. С. 54.

² Определение в структуре платы за содержание жилого помещения платы за коммунальные ресурсы, потребляемые при содержании общего имущества в многоквартирном доме, имеет особенности (ч. 9.2 ст. 156 ЖК РФ, письмо Минстроя России от 10.12.2019 № 47256-ОЛ/06). В данной статье они не рассматриваются.

направленными интересами управляющих организаций и собственников помещений. Интерес собственников состоит в том, чтобы за наименьшую плату получить качественное обслуживание, а управляющие организации заинтересованы в рентабельности своей деятельности и минимизации риска непредвиденных затрат. В результате спорящие стороны оказываются в суде, пытаясь доказать собственную позицию относительно условия о размере платы и порядке его изменения. Это можно проследить на примерах различного толкования ч. 7 ст. 156 ЖК РФ о размере платы.

Сначала управляющая организация пыталась обжаловать ч. 7 ст. 156 ЖК РФ. Она ссылаясь на то, что норма закона позволяет собственникам самостоятельно устанавливать размер платы без учета его экономической обоснованности. Подобное толкование нормы Конституционный Суд РФ назвал неправильным и разъяснил, что ч. 7 ст. 156 ЖК РФ необходимо читать во взаимосвязи с другими положениями ЖК РФ (ч. 1 ст. 39, ч. 1 ст. 156, ч. 2 ст. 162)³. Это не позволяет сделать вывод об установлении необоснованного размера платы.

Впоследствии собственник обратился в Конституционный Суд РФ. Он считал нарушением конституционных прав формулировку ч. 7 ст. 156 ЖК РФ об установлении размера платы за содержание жилого помещения исключительно по предложению управляющей организации. Эта норма, по его мнению, препятствует самостоятельному принятию собственниками решения о размере платы. Суд не усмотрел нарушений. Предложения управляющей организации не могут быть произвольными, а всегда основаны на оценке характеристик данного дома (состава, конструктивных особенностей, степени физического износа, технического состояния, геодезических, природно-климатических условий расположения и других)⁴. Аналогичное обращение в Конституционный Суд РФ состоялось в 2019 г.⁵

В приведенных примерах представлено различное восприятие ч. 7 ст. 156 ЖК РФ о размере платы. Содержание нормы закона не удовлетворяет ни одну из сторон договора управления. Все это вполне объяснимо и не вызывает удивления. Ведь право, как отмечал дореволюционный правовед Н.М. Коркунов, «необходимо предполагает противоположение нескольких самостоятельных интересов, друг другу противопоставляемых и друг друга ограничивающих. Вопрос о праве только тогда и возникает

ет, когда одному признанному интересу противопологается другой, также признанный и также требующий для себя обеспечения возможности существования»⁶.

Разрешение этого противоречия и нахождение разумного баланса является важнейшей публичной задачей государства, решаемой посредством эффективного правового регулирования. Говоря словами Р. Иеринга, цель заключается в уравнивании интересов в обществе, в нахождении компромисса между ними⁷.

Очевидно, что цель договора управления – надлежащее содержание общего имущества многоквартирного дома – не может быть достигнута без сбалансированного сочетания интересов обеих сторон. Полагаем, что баланс интересов возможен только при условии согласования обоснованного размера платы.

Под «обоснованным» принято понимать мотивированное и основательное явление, подтвержденное убедительными доводами и фактами, весомыми доказательствами, аргументами⁸. Термином «обоснованность» оперирует налоговое законодательство в п. 1 ст. 252 НК РФ. Обоснованными расходами считаются экономически оправданные затраты, оценка которых выражена в денежной форме. Такие расходы обусловлены целями получения доходов и удовлетворяют принципу рациональности.

Таким образом, чтобы считать размер платы обоснованным, необходимы убедительные доводы, основанные на экономических расчетах и подтвержденные юридически корректными документами. Отправной точкой таких расчетов является специфика соответствующей предпринимательской деятельности (деятельности по управлению многоквартирными домами), направленной на получение прибыли. Ведь в результате такой деятельности управляющая организация несет необходимые и целесообразные расходы, прогнозирует прибыль, принимает соответствующие хозяйственные и управленческие решения.

В статье не будем приводить экономическое обоснование размера платы за содержание жилого помещения. Речь пойдет о юридическом обосновании.

Для проверки обоснованности размера платы предлагается использовать четыре критерия. Значимость критериев в том, что они представляют собой те ключевые признаки, на основании которых производится определение и оценка сбалансированности интересов сторон договора управления по вопросу размера платы. Предложенная авторская методика может иметь практическую полезность при оспаривании в суде экономически необоснованного размера платы⁹. Она позволяет сделать вывод о нарушении баланса интересов и произвольном определении существенного условия договора управления с целью защиты интересов пострадавшей стороны договора.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 3026-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Общества с ограниченной ответственностью «Управляющая компания «Жилищное хозяйство» на нарушение конституционных прав и свобод частью 7 статьи 156 Жилищного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2017 г. № 700-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Саложникова Юрия Аркадьевича на нарушение его конституционных прав частью 7 статьи 156 Жилищного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2019 г. № 2431-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Литвиненко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью 7 статьи 156 Жилищного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. С. 40.

⁷ Теория государства и права : учебник / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. М. : Юрайт, 2010. С. 54.

⁸ Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/>

⁹ Киракосян С.А. Что такое обоснованный размер платы и как он помогает взыскивать долги // Управление МКД. 2018. № 12. С. 63–67.

Первый критерий — соразмерность. Размер платы должен быть соразмерным утвержденному перечню, объемам и качеству услуг и работ (п. 1 ст. 156 ЖК РФ, п. 29, 35 Правил содержания общего имущества от 13.08.2006 № 491). Подобное императивное предписание имеет целью обеспечить достаточность финансирования услуг и работ, необходимых для поддержания общего имущества многоквартирного дома в состоянии, отвечающем санитарным и техническим требованиям, требованиям безопасности условий проживания в таком доме для жизни и здоровья граждан¹⁰.

Противоположной критерию соразмерности является произвольность. На ее недопустимость при установлении размера платы особое внимание обращает Верховный Суд РФ в п. 16 Постановления от 27 июня 2017 г. № 22. Произвольным будет такой размер платы, который не учитывает реальных затрат на содержание общего имущества конкретного многоквартирного дома, а также в случае указания нулевой стоимости услуг по содержанию и текущему ремонту¹¹.

Наглядный пример, когда собственники помещений утвердили на собрании размер платы за содержание общего имущества в многоквартирном доме 0,50 руб. за 1 кв. м. Управление Роспотребнадзора обязало управляющую организацию исполнять решение собрания собственников. Суд апелляционной инстанции посчитал такой размер необоснованным. Не представлены доказательства, подтверждающие соответствие такого размера платы утвержденному перечню, объемам и качеству услуг и работ, не проведена проверка возможности обеспечить при таком размере платы содержания общего имущества в соответствии с требованиями законодательства РФ¹². Соответственно, использование размера платы, не обеспечивающего надлежащее содержание общего имущества, является незаконным.

Второй критерий — профессионализм. Размер платы за содержание жилого помещения должен быть сделан на основе профессионального расчета, выполненного управляющей организацией в отношении конкретного многоквартирного дома.

Предложение управляющей организации по размеру платы является законным, поскольку позволяет учесть индивидуальные характеристики многоквартирного дома: его состав, конструктивные особенности, степень физического износа, технического состояния, геодезических, природно-климатических условий расположения¹³. Подобный порядок расчета платы в значительной мере влияет на достижение цели договора управления многоквартирным домом — поддержание общего имущества собственников

помещений в надлежащем состоянии. Такой вывод сделал Конституционный Суд РФ¹⁴.

Для разработки предложений по размеру платы управляющая организация проводит осмотр состояния общего имущества в многоквартирном доме, определяет виды и объемы работ, сроки и периодичность их выполнения. Ориентиром выступает минимальный перечень услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 3 апреля 2013 г. № 290 «О минимальном перечне услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, и порядке их оказания и выполнения».

По результатам осмотра составляется смета (расчет) затрат на содержание и ремонт общего имущества и разрабатываются предложения по новому размеру платы не менее чем на один год. Смета согласуется с советом многоквартирного дома, если это предусмотрено в договоре управления. Свое предложение о размере платы управляющая организация доводит до сведения собственников в порядке, предусмотренном п. 31 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме¹⁵.

Если собственники приняли решение о размере платы без учета предложений управляющей организации и такой размер платы не позволяет надлежаще содержать общее имущество, решение собственников можно оспорить. Так, например, собственники приняли решение об установлении размера платы за содержание и ремонт общего имущества на 2018 г. без учета предложений управляющей организации, а также без учета минимального перечня услуг и работ. Экономического обоснования, согласно которому управляющая организация могла бы в полном объеме и надлежащим образом обслуживать жилой дом и обеспечивать безопасные условия проживания, в соответствии с утвержденными размерами платы, собственники не представили. Суд признал подобную плату произвольной¹⁶.

Третий критерий — согласованность. Обоснованный размер платы — это результат договоренности между управляющей организацией и собственниками помещений. Стороны равносильны в согласовании условия о размере платы. Хотя степень влияния на финансовые условия договора внешне кажется различной. Но при более детальном анализе норм ЖК РФ следует сделать вывод о том, что законодатель предусмотрел единую процедуру согласования

¹⁰ Определение Верховного Суда РФ от 10 апреля 2018 г. № 6-КГ18-6 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 июля 2019 г. № 307-ЭС18-25783 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Пункт 7 Обобщения судебной практики Челябинского областного суда за второй квартал 2015 г. (утв. Постановлением президиума Челябинского областного суда от 26.08.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2017 г. № 700-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Саложникова Юрия Аркадьевича на нарушение его конституционных прав частью 7 статьи 156 Жилищного кодекса Российской Федерации».

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 3026-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Общества с ограниченной ответственностью «Управляющая компания «Жилищное хозяйство» на нарушение конституционных прав и свобод частью 7 статьи 156 Жилищного кодекса Российской Федерации».

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 13 августа 2006 г. № 491 «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 3 июля 2018 г. по делу № 33-2664/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

размера платы в виде последовательных действий сторон договора, их взаимодействия между собой.

Управляющая организация производит профессиональный расчет и обоснование размера платы, собственники утверждают условия о размере платы на общем собрании. Без соблюдения этого требования ни один размер платы не будет считаться обоснованным.

Подобная процедура согласования размера платы направлена на защиту жилищных прав собственников и экономических интересов управляющей организации, на максимальную вовлеченность собственников в процесс обсуждения существенных условий договора управления домом.

Ни одна из сторон не имеет преимуществ перед другой и не может по собственному усмотрению принимать односторонние решения в части размера платы за содержание жилого помещения. А потому собственники, имеющие право одобрения размера платы, не могут злоупотреблять им, принимая решения о несогласованном с управляющей организацией размере платы. Данные действия следует квалифицировать как произвольные. Например, собственники самовольно скорректировали предложенный управляющей организацией размер платы и большинством голосов проголосовали против размера, предложенного управляющей организацией. Суд признал недействительным решение общего собрания собственников. Собственники, дописавшие в листы голосования другой размер платы, фактически не проголосовали по вопросу, поставленному на повестку дня. Также суд сделал вывод, что без экономического обоснования уменьшены расходы на оплату некоторых обязательных работ, другие работы вовсе исключены¹⁷.

Управляющая организация также не может применять несогласованный с собственниками размер платы. К несогласованному суды и административные органы относят проиндексированный размер платы¹⁸. В отношении индексации размера платы развернулись живые дискуссии ненаучного стиля.

На наш взгляд, подобная индексация является законной и не требует принятия повторного решения на общем собрании собственников при соблюдении следующих условий. Во-первых, индексация размера платы ясно и недвусмысленно сформулирована в договоре управления. Во-вторых, в договоре указан четкий размер и порядок применения индексации на основании официальных данных об уровне инфляции. В-третьих, сам договор управления и условие об индексации размера платы утверждены на общем собрании собственников в порядке ст. 162

ЖК РФ¹⁹. Справедливости ради нужно отметить, что в целях соблюдения баланса интересов управляющая организация должна предложить собственникам согласовать проиндексированный размер платы, а в случае их бездействия – применить указанную в договоре индексацию.

Возможность индексации размера платы подтверждается судебной практикой²⁰ и разъяснениями Минстроя России²¹.

Четвертый критерий – дифференциация размера платы. По-настоящему обоснованным следует считать дифференцированный размер платы, рассчитанный с учетом индивидуальных особенностей различных категорий помещений. Такой вывод основан на конституционном принципе равенства, поскольку дифференциация выступает частью регулирующего воздействия указанного принципа²².

Значимым является определение законного основания и критерия, оправдывающего дифференциацию при распределении необходимых расходов на содержание общего имущества многоквартирного дома между собственниками жилых и нежилых помещений. Конституционный Суд РФ называет таким основанием принятое в установленном законом порядке решение общего собрания собственников помещений, а критерием – индивидуальные особенности помещений в многоквартирном доме (в частности, их назначение), а также иные объективные обстоятельства²³.

Дифференциация не должна превратиться в свою противоположность – дискриминацию. Дискриминацией является не только разное отношение к лицам, находящимся в аналогичных ситуациях, но равным образом и одинаковое отношение (без объективного и разумного основания) к лицам, которые находятся в различных ситуациях. Например, суд сделал вывод о незаконности установления различной платы за уборку в четырех подъездах²⁴. В данной ситуации дифференцированная плата установлена в отношении одной категории собственников в отсутствие законного основания.

¹⁹ Письмо Минстроя России от 6 сентября 2019 г. № 32453-ОГ/04 «Об изменении платы за содержание и ремонт жилого помещения» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21 ноября 2019 г. № 307-ЭС19-11346 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Письмо Минстроя России от 26 декабря 2018 г. № 51876-ОО/04 «О размере платы за содержание жилого помещения в многоквартирном доме, в котором не созданы товарищество собственников жилья либо жилищный кооператив или иной специализированный потребительский кооператив» // СПС «КонсультантПлюс».

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 2 статьи 2 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» и части первой статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» (в редакции статьи 12 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации») в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой граждан М.Ш. Орлова, Х.Ф. Орлова и З.Х. Орловой» // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 января 2018 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статей 181.4 и 181.5 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Логинова» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Определение Верховного Суда РФ от 13 августа 2019 г. № 309-ЭС19-13053 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 28 июня 2017 г. по делу № 33-8389/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности»; Определение Верховного Суда РФ от 2 июня 2017 г. № 306-КГ17-6867 // СПС «КонсультантПлюс».

В результате анализа законодательства и обобщения судебной практики следует сделать вывод о том, что обоснованный размер платы за содержание жилого помещения представляет собой усредненный интерес двух сторон договора управления — собственников и управляющей организации, найденный между ними компромисс. Жилищный кодекс РФ содержит сбалансированный порядок

утверждения размера платы за содержание. Нарушение баланса интересов сторон договора происходит в случаях установления размера платы за содержание жилого помещения без экономического обоснования, без учета индивидуальных особенностей домов, а также в случаях определения размера платы без учета волеизъявления другой стороны договора.

Литература

1. Дурново Д.В. Жители уменьшили размер платы за содержание общего имущества / Д.В. Дурново // ЖКХ: бухгалтерский учет и налогообложение. 2017. № 9. С. 53–61.
2. Киракосян С.А. Что такое обоснованный размер платы и как он помогает взыскивать долги / С.А. Киракосян // Управление МКД. 2018. № 12. С. 63–67.
3. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. Санкт-Петербург : Юридический Центр Пресс, 2003. 430 с.
4. Теория государства и права : учебник / под редакцией А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. Москва : Юрайт, 2010. 744 с.

DOI: 10.18572/1999-477X-2020-2-34-37

Реализация принципа неприкосновенности жилища в деятельности правоохранительных органов

Лизунов Алексей Сергеевич,
старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД
Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
Lizunov52rus@yandex.ru

В статье автором критически анализируются отдельные законодательные акты, предоставляющие право сотрудникам правоохранительных органов входить (проникать) в жилые помещения граждан против их воли. Делается вывод о необходимости исключения данных норм, поскольку они девальвируют конституционный принцип неприкосновенности жилища.

Ключевые слова: принцип неприкосновенности жилища, вхождение (проникновение) в жилище, судебный контроль.

Implementation of the Principle of Inviolability of Residence in Activities of Law Enforcement Authorities

Lizunov Aleksey S.
Senior Lecturer of the Department of Administrative Activities
of Internal Affairs Agencies of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
PhD (Law)

In the article, the author critically analyzes certain legislative acts that give the right to law enforcement officers to enter (penetrate) citizens' premises against their will. The conclusion is drawn on the need to exclude these norms, since they devalue the constitutional principle of the inviolability of the home.

Keywords: the principle of inviolability of the home, entry (penetration) into the home, judicial control.

Принцип неприкосновенности жилища, как положение, гарантирующее защиту граждан от произвольного вторжения в сферу их частной жизни, призван исполнять роль своеобразного ориентира в процессе совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Особый статус жилища как объекта правовой охраны определен Конституцией РФ. Так, согласно ст. 25 Основного закона жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

С принятием Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) данный принцип был включен в его содержание. УПК РФ закрепил возможность производства осмотра жилища только с согласия лиц, в нем проживающих, либо на основании судебного решения. Обыск и выемка в жилище также вошли в перечень следственных действий, на которые распространяется оперативный судебный контроль. Процедура получения судебного решения, дающего право произвести указанные следственные действия, следующая: следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора обращается в суд с ходатайством о разрешении производства следственного действия. Судья единолично в срок, не превышающий 24 час. с момента обращения, рассматривает данное ходатайство и принимает по нему решение о разрешении производства следственного действия либо об отказе в удовлетворении ходатайства о его проведении. В исключительных случаях, когда проведение следственного действия не терпит отлагательства, оно может быть произведено по постановлению следователя, дознавателя. В этой ситуации следователь, дознаватель не позднее 3 суток с момента начала производства следственного действия уведомляет прокурора и суд о его производстве. Получив уведомление, к которому прилагается материал, содержащий постановление о производстве следственного действия, протокол следственного действия и другие документы, судья принимает решение о законности либо незаконности производства следственного действия. В последнем случае все полученные в ходе следственного действия доказательства утрачивают юридическую силу.

Данный порядок производства следственных действий, связанных с проникновением должностных лиц уголовного судопроизводства в жилище граждан, выглядит, с нашей точки зрения, вполне обоснованно и, по сути, уже прошел проверку временем и практикой. Названные положения обеспечивают баланс публичных интересов, связанных с производством предварительного расследования по уголовному делу и защищаемого правосудием права каждого на неприкосновенность жилища.

Отметим, что получение судебного решения требуется и при проникновении в жилище в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий (ст. 8, 9 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Однако в последние 10 лет в нормах некоторых законодательных актов, посвященных деятельности отдельных правоохранительных органов, происходит, на наш взгляд, умаление, принижение значимости естественного и неотчуждаемого конституционного права граждан на неприкосновенность жилища. Дело в том, что в настоящее время наметилась устойчивая тенденция, связанная с расширением полномочий отдельных правоохранительных органов и предоставлением их сотрудникам права входить (проникать) в жилые помещения граждан против

воли лиц, в них проживающих, и в отсутствие судебного разрешения на совершение данных действий, что не может не вызывать определенной обеспокоенности.

Так, в 2010 г. был принят Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации»). Новацией здесь стало то, что данный Федеральный закон предоставил сотрудникам Следственного комитета РФ дополнительные, на первый взгляд несвойственные им полномочия по проникновению в жилые помещения граждан по основаниям, не предусмотренным в УПК РФ. В частности, был установлен один общий порядок как для проникновения в жилые помещения, так и для проникновения в иные принадлежащие гражданам помещения и земельные участки. По смыслу п. 2 ч. 1 ст. 7 проникновение сотрудников Следственного комитета на указанные объекты допускается при пресечении совершения преступления, преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступления, либо наличии достаточных данных полагать, что там совершено или совершается преступление.

Данная инициатива была подхвачена разработчиками Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Федеральный закон «О полиции»), который в ч. 3 ст. 15 несколько расширил по сравнению с Федеральным законом «О Следственном комитете Российской Федерации» перечень оснований для вхождения (проникновения) в жилые помещения против воли лиц, там проживающих, включив в него следующие обстоятельства: спасение жизни граждан и (или) их имущества, обеспечение безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках; задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления; пресечение преступления; установление обстоятельств несчастного случая.

Не остался в стороне от этих тенденций и Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (далее – Федеральный закон «О федеральной службе безопасности»). В его содержание была включена ст. 14.1, предоставившая право сотрудникам этой службы проникать в жилые помещения: для спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях; задержания лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления; пресечения преступления; установления обстоятельств несчастного случая; задержания лиц, застигнутых на месте совершения ими деяния, содержащего признаки преступления, и (или) скрывающихся с места совершения ими такого деяния.

Наконец, с принятием Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»)

Федерации») военнослужащим (сотрудникам) этих войск предоставлено право войти (проникнуть) в том числе и в жилые помещения против воли проживающих там лиц по следующим основаниям: для защиты (спасения) жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях; осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом и экстремизмом; задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления; пресечения преступления.

Причем ситуация усугубляется еще и тем, что законодатель, предоставляя право сотрудникам различных правоохранительных служб и ведомств проникать в жилые помещения граждан, в том числе и против их воли, попросту исключил эту процедуру из сферы оперативного судебного контроля. Во всяком случае, обращаться в суд для получения разрешения на входение в жилище против воли лиц, в нем проживающих, по вышеуказанным основаниям необходимости нет. Здесь нужно лишь проинформировать собственника жилого помещения либо проживающих там граждан, если входение осуществлялось в их отсутствие, а также письменно уведомить прокурора и предоставить рапорт по этому поводу своему непосредственному руководителю (командиру). И лишь Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» предоставляет сотрудникам этой службы альтернативное право при входении в жилое помещение против воли лиц, в нем проживающих, в последующем уведомить об этом либо прокурора, либо суд (судью). Форма, порядок и конечная цель этого уведомления законом не определены.

Обозначенные обстоятельства, помимо принижения роли принципа неприкосновенности жилища, с нашей точки зрения, порождают возникновение еще целого ряда негативных последствий.

Прежде всего, в результате подобного входения (проникновения) в жилые помещения граждан может утратиться возможность получения доказательств по делу. «Представим, — пишет В.Н. Григорьев, — что сотрудник Следственного комитета, преследуя подозреваемого, настиг последнего в его жилище, при этом отобрал у него орудие преступления, оружие, наркотики. Допустим, действовал он при этом на основании п. 2 ч. 1 ст. 7 ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», предусматривающего право входить в помещения и на участки граждан. А дальше? Дальше нужны доказательства виновности злоумышленника (они же, кстати, будут доказательствами правомерности действий сотрудника Следственного комитета). Где он их возьмет? Оформит обыск или выемку? Но это будет фальсификация, он не производил этих следственных действий»¹.

Кроме этого, предоставление сотрудникам правоохранительных органов дополнительных возможностей по проникновению в жилые помещения граждан может

привести к возникновению конкуренции норм права. К примеру, в соответствии с п. 3 ст. 5 Федерального закона «О полиции» одним из основных направлений ее деятельности является выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам. Предположим, что в ходе расследования уголовного дела дознаватель, являющийся сотрудником полиции, получил информацию о нахождении подозреваемого, подлежащего задержанию в конкретном жилом помещении. Каким правовым предписанием он должен руководствоваться, чтобы проникнуть в это жилое помещение для задержания подозреваемого: п. 2 ч. 3 ст. 15 Федеральным законом «О полиции» или ч. 16 ст. 182 УПК РФ, которая содержит такое основание для производства обыска, как обнаружение разыскиваемых лиц и трупов?

Разрешение обозначенных нами выше правовых проблем и коллизий представляется невозможным без корректировки действующего законодательства, что обуславливает необходимость сформулировать следующие предложения.

Во-первых, такое основание для проникновения в жилое помещение, как спасение жизни граждан и (или) их имущества, обеспечение безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях, следовало бы исключить из положений федеральных законов, посвященных деятельности правоохранительных органов вообще. Суть в том, что нарушение права граждан на неприкосновенность жилища является уголовно наказуемым деянием, за которое ст. 139 УК РФ предусмотрена ответственность. Однако не будем забывать, что уголовному праву известно и такое обстоятельство исключяющее преступность, как крайняя необходимость, закрепленное в ст. 39 УК РФ. С этой точки зрения полагаем, что сотрудник правоохранительных органов, как и любой другой гражданин, вправе войти в любое жилое помещение для спасения жизни граждан и (или) их имущества, независимо от того, происходит это в условиях чрезвычайной ситуации, массовых беспорядков или нет. Необходимо лишь при этом принимать во внимание, что ценность имущества, которое спасает сотрудник правоохранительных органов либо любой другой гражданин, должна быть соразмерна ценности ограничиваемого при этом права на неприкосновенность жилища. «Правомерность причинения вреда при крайней необходимости обуславливается тем, — пишет Г.Ф. Хаметдинова, — что оно совершается ради предотвращения еще большего вреда — в этом заключается общественная значимость деяния, совершенного в состоянии крайней необходимости»². В противном случае будет иметь место превышение пределов крайней необходимости, влекущее за собой наступление уголовной ответственности.

Во-вторых, из Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» следовало бы исключить положения, дающие право сотрудникам этого

¹ Григорьев В.Н. Право сотрудников следственного комитета входить в жилые помещения граждан // Законность. 2011. № 11. С. 29–30.

² Хаметдинова Г.Ф. Уголовно-правовая характеристика крайней необходимости: монография. Тюмень: ТИПК МВД России, 2015. С. 7.

ведомства проникать в жилые помещения граждан против их воли. Эта деятельность по большей части носит административный, а не уголовно-процессуальный характер. Лица, осуществляющие производство по уголовному делу, как государственно-властные субъекты уголовно-процессуальных правоотношений, при проникновении в жилые помещения граждан, с нашей точки зрения, должны руководствоваться, прежде всего, положениями уголовно-процессуального законодательства, их основная задача — получение доказательств.

В третьих, весьма не конкретизировано и расплывчато, с нашей точки зрения, выглядит такое основание для вхождения (проникновения) в жилое помещение граждан, закрепленное в ч. 1 п. 2 ст. 12 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», как осуществление мероприятий по борьбе с терроризмом и экстремизмом. Что именно под этими формулировками понимали составители указанного закона, остается неясным. Подготовка и совершение террористического акта так же, как и экстремистская деятельность, запрещены на территории РФ под страхом уголовной ответственности. Для пресечения преступления и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, и так существуют основания для вхождения (проникновения) в жилые помещения граждан. Если же законодатель под термином «борьба с терроризмом и экстремизмом» понимал что-то еще, то это нужно отразить в законе. Возможность вольной интерпретации данных положений в этой правовой ситуации недопустима и может привести к нарушению прав граждан. Весьма странным также представляется и то, что рассматриваемое полномочие предоставлено сотрудникам Росгвардии, а не Федеральной службы безопасности, для которых борьба с терроризмом является одним из основных направлений деятельности.

И, наконец, в-четвертых, при проникновении в жилые помещения граждан против их воли по основаниям, предусмотренным вышеуказанными федеральными законами, в каждом случае такого проникновения, по нашему мнению, должен быть составлен протокол, который в дальнейшем по аналогии с положениями УПК РФ должен быть направлен в суд. К протоколу следует прилагать материалы, подтверждающие обоснованность совершения данных действий. Именно суд в этой правовой ситуации должен дать оценку законности действиям сотрудников правоохранительных органов. В противном случае трудно найти объяснение тому, почему проникновение в жилое помещение, осуществляемое в рамках производства по уголовному делу либо реализации оперативно-разыскных мероприятий, требует судебного разрешения либо последующего уведомления суда, а в случае осуществления проникновения в административно-правовом режиме необходимости в получении предварительного или последующего судебного решения нет. Подменять здесь функцию оперативного судебного контроля прокурорским надзором необоснованно, хотя бы потому что в Конституции РФ, по справедливому замечанию Л.А. Нудненко, не упоминается роль прокурора относительно ограничения прав граждан в области индивидуальной свободы и личной безопасности³.

Полагаем, что высказанные нами предложения в их единстве будут способствовать повышению уровня гарантированности прав граждан на неприкосновенность жилища и одновременно с этим повысят эффективность деятельности правоохранительных органов.

³ Нудненко Л.А. Роль полиции в соблюдении права личности на неприкосновенность жилища // Административное право и процесс. 2017. № 10. С. 24.

Литература

1. Григорьев В.Н. Право сотрудников следственного комитета входить в жилые помещения граждан / В.Н. Григорьев // Законность. 2011. № 11. С. 29–30.
2. Нудненко Л.А. Роль полиции в соблюдении права личности на неприкосновенность жилища / Л.А. Нудненко // Административное право и процесс. 2017. № 10. С. 21–24.
3. Хаметдинова Г.Ф. Уголовно-правовая характеристика крайней необходимости : монография / Г.Ф. Хаметдинова. Тюмень : ТИПК МВД России, 2015. 156 с.

Внимание! Акция апреля!

Только в период с 1 по 30 апреля 2020 года при оформлении годовой подписки на журнал «Юрист» скидка 30%! Спешите оформить подписку!
По вопросу оформления подписки просим обращаться
по тел.: 8 (495) 617-18-88 — многоканальный; 8-800-333-28-04 (по России бесплатно)
или по электронной почте: podpiska@lawinfo.ru

Право пользования жилым помещением бывших членов семьи собственника: сравнительный анализ российского и английского законодательства

Смолина Лариса Александровна,
доцент кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия,
адвокат Санкт-Петербургской коллегии адвокатов
«Смолина, Малкин и партнеры»,
кандидат юридических наук, доцент
smolina@smolina-malkin.ru

Фролова Софья Владимировна,
помощник адвоката
avtor@lawinfo.ru

Статья посвящена исследованию особенностей применения обеспечительных мер в семейном праве Англии, в частности, рассмотрен порядок применения судебных приказов, определяющих порядок пользования жилым помещением несовершеннолетними детьми и бывшими членами семьи собственника, также проанализирована судебная практика Англии и России по вопросам обеспечения иска, в том числе по имущественным спорам супругов. В статье сделан вывод об учете интересов и приоритетах лиц, которые нуждаются в жилом помещении, проведен сравнительный анализ российского и английского законодательства по семейным спорам, выявлены сходства и различия, сделаны предложения для единообразной судебной практики.

Ключевые слова: обеспечительные меры, семейное право Англии, имущественные споры супругов, право пользования, бывший член семьи, право несовершеннолетнего на жилье.

The Right of Former Members of the Owner`s Family to Use a Residential Premise: Comparative Analysis of Russian and English Laws

Smolina Larisa A.
Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law
of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice
Attorney at the Smolina, Malkin and Partners Saint Petersburg Bar Association
PhD (Law), Associate Professor

Frolova Sofya V.
Paralegal

The article is devoted to the study of the features of application of interim measures in the family law of England. The position of the procedure for applying an occupation order, which determine the procedure for using dwelling unit of minor children and former members of the owner`s, family was reviewed, and the judicial practice of England and Russia on questions of securing a claim, including property disputes of spouses was analyzed. The conclusions based on the interests and priorities of people who need housing. A comparative analysis of Russian and English legislation on family disputes was carried out, similarities and differences were identified, proposals were made for a uniform judicial practice.

Keywords: interim measures, family law of England, property disputes of spouses, right of enjoyment, former family member, minor`s right to housing.

Гражданское процессуальное право предусматривает наличие специальных обеспечительных мер, кото-

рые могут применяться в различных категориях споров, в том числе по семейным имущественным спорам. Такие

меры могут гарантировать возможность реализации исковых требований сторон спора. Обеспечительные меры применяются в различных правовых системах стран мира. Так, в Великобритании существуют обеспечительные меры, которые по своей характеристике уникальны и отличаются от мер, применяемых в РФ. В связи с этим необходимо отметить актуальность исследования темы, связанной с обеспечительными мерами в английском семейном праве. На основе изученного материала и проведенного анализа можно рассмотреть возможность заимствования правовых механизмов из английского права в российское, поскольку наше семейное право не содержит обеспечительных мер для имущественных споров, и как раз на повестке дня изменение норм семейного законодательства в части имущественных отношений супругов¹.

В английском семейном праве предусмотрены так называемые injunctions (судебные запреты). Они являются законным и справедливым средством правовой защиты в форме специального судебного решения, которое вынуждает сторону либо совершать определенные действия, либо воздерживаться от них. Family Law Act 1996 (Закон о семейном праве 1996 г.) – английский закон, содержащий в себе нормы, регулирующие семейные правоотношения. В данной статье рассмотрены меры, связанные с имущественными отношениями, так называемые an occupation order, или судебные приказы, определяющие порядок пользования имуществом.

Судебный приказ, определяющий порядок пользования собственностью, в частности жилым помещением, регулирует вопрос, касающийся возможности проживания в доме. Чаще всего эта обеспечительная мера направлена на охрану имущественных правоотношений, но это и не исключает возможность его применения в неимущественной сфере, например, защита от домашнего насилия. Данный вид приказов предназначен не только для выселения кого-либо из жилого дома, он также может быть использован: для обеспечения соблюдения права на владение имуществом, предоставления обязательного разрешения на проникновение и пребывание в пределах собственности заявителя; регулирования порядка пользования имуществом; запрещения, приостановления или ограничения пользования имуществом; предписания на выселение из жилого помещения; выдворения из определенной территории, где находится объект недвижимости².

Судебное распоряжение, обеспечивающее порядок пользования собственностью (an occupation order), выдается только в крайних случаях и при тщательном исследовании обстоятельств дела, так как такой акт позволяет запретить нахождение лица в его доме, несмотря на то что он/она имеет законное право проживать там (т.е. дом на-

ходится в собственности данного лица либо в совместной собственности с супругом, гражданским супругом, сожителем и т.п.). По этой причине существуют очень строгие критерии для выдачи такого приказа.

Для того чтобы требовать применения обеспечительной меры в виде an occupation order, необходимо строго соблюсти три требования, а именно:

1. Заявитель должен обладать правом пользования жилым домом, основанным на законе или договоре. Сюда же входят обстоятельства, когда заявитель не указан в качестве собственника, но у него есть так называемое право на супружеский дом (Matrimonial Home Rights). Такое право позволяет защитить интересы заявителя в отношении жилого помещения, где он проживал с супругом, сожителем, но не имел права собственности на этот дом. Супруг, не обладающий правом собственности, имеет правовую возможность защитить свои интересы в случае, если другой супруг решит продать, передать или заложить имущество, например, во время судебного разбирательства.

В российском гражданском процессуальном праве существует относительно схожая, но тем не менее иная возможность обеспечить интересы истца. Такая правовая конструкция применяется чаще всего при разделе совместно нажитого супругами имущества, а именно обеспечительная мера в виде запрета на отчуждение имущества/наложение ареста на имущество. «На практике могут встретиться случаи, когда об обеспечении иска просит не истец, а ответчик, хотя встречный иск им не заявлен. Такая ситуация часто возникает по делам о расторжении брака и разделе общей совместной собственности супругов. Независимо от того, какая из сторон обратилась с заявлением об обеспечении иска, суд обязан рассмотреть данный вопрос и, если сочтет необходимым, принять меры к сохранению спорного объекта»³.

Однако данную обеспечительную меру нельзя характеризовать как исключительно семейно-правовую. В российском праве она универсальна и применяется в жилищных, семейных, кредитных и др. спорах. Например, на практике Липецкий областной суд оставил без изменения судебное решение о наложении ареста на 1/2 доли в праве общей долевой собственности квартиры. Истица Щ. обратилась в суд с требованием о применении обеспечительных мер в виде наложения ареста, поскольку ответчик пытался продать квартиру, являющуюся единственным местом жительства ее и их сына, просила признать право собственности на долю квартиры⁴.

Еще одним примером может служить практика Ленинградского областного суда. Например, Т.С. обратился во Всеволожский городской суд Ленинградской области с иском к супругам М.Л. и М.Е. о выделении 1/2 доли должника М.Л. из общего имущества супругов на земельный участок

¹ Проект Федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части имущественных отношений супругов) // СПС «КонсультантПлюс».

² What is an Occupation Order and the Criteria to Apply? URL: <https://www.kewlaw.co.uk/what-is-an-occupation-order-and-who-can-apply/> (дата обращения: 05.12.2019).

³ Бабкин А., Юков М. Обеспечение иска // Советская юстиция. 1975. № 16. С. 17; Гражданское процессуальное законодательство: Комментарий / под ред. М.К. Юкова. М., 1991. С. 253.

⁴ Апелляционное определение Липецкого областного суда от 16 марта 2015 г. по делу № 33-595а/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

и садовый дом и обращении взыскания на указанное имущество в счет погашения долга, ссылаясь на то, что решение Калининского районного суда Санкт-Петербурга и соответствующий исполнительный документ должником М.Л. не исполняются, денежные средства истцу ответчиком М.Л. до настоящего времени не возвращены. Одновременно с предъявлением искового заявления истец просил суд принять меру по обеспечению иска в виде наложения ареста на 1/2 доли указанного недвижимого имущества. Данное требование о применении обеспечительных мер было удовлетворено⁵.

В свою очередь, в английском праве такая мера закреплена именно в Законе о семейном праве 1996 г. (Family Law Act 1996). В разделе 4 «Семейный дом и насилие в семье» (Part IV Family Homes and Domestic Violence), п. 30 «Права в отношении дома, где один из супругов или гражданский партнер не имеет имущества и т.д.» (Rights concerning home where one spouse or civil partner has no estate, etc.), закреплено положение о том, что в случае отсутствия права собственности супруги, бывшие супруги, гражданские партнеры и т.п. обладают правом проживания в доме или его части и могут быть выселены только по решению суда⁶. Обеспечить свое право на проживание в доме, пользование им заявитель может путем регистрации предупреждения в HM Land Registry («Земельная книга») или в the Land Charges Department (Департамент земельных платежей). Такая процедура предусматривает подачу заявления в специальный орган, чтобы сделать соответствующую запись в «Земельной книге» о том, что собственность «обременена». К такому заявлению прикладывается копия судебного приказа либо итоговое решение суда. Собственник имущества в обязательном порядке уведомляется о такой регистрации.

2. Собственность была, является или должна была стать домом для обеих сторон.

3. Стороны должны быть «связаны» (associated) в соответствии с п. 62 и 63 Закона о семейном праве (s. 62–63 of the Family Law Act 1996), т.е. быть супругами, гражданскими супругами, сожителями, родственниками или людьми, которые согласились вступить в брак, а также имели близкие личные отношения друг с другом на протяжении долгого времени и т.д.

При решении вопроса об удовлетворении требования заявителя об обеспечении иска с помощью an occupation order суд должен учитывать баланс интересов участников процесса. Например, если в случае отсутствия судебного распоряжения будет причинен значительный вред истцу (заявителю) или ребенку, то такой акт обязательно должен быть вынесен. Однако если суд установит, что больший вред будет причинен ответчику, то судья не вправе вынести такое распоряжение. В любом случае данный вопрос

будет решаться на усмотрение суда. Судья, применяющий меры, связанные с определением порядка пользования собственностью (an occupation order), имеет также дополнительные полномочия на требование от одной стороны нести бремя по содержанию дома, оплате аренды или ипотеки и других расходов, например оплате коммунальных платежей.

При принятии решения суд руководствуется интересами сторон, а именно: потребностью в жилье; финансовыми ресурсами сторон и их детей; вероятными последствиями после вынесения судебного распоряжения, обеспечивающего порядок пользования собственностью, включая здоровье, безопасность и благополучие детей, а также поведением сторон.

В зависимости от обстоятельств an occupation order может быть вынесен на срок, не превышающий 6 месяцев с возможностью продления, но не более чем на 6 месяцев каждый раз. Подобного рода судебные приказы могут выдаваться на определенный период до наступления какого-либо события, например, на время судебного разбирательства.

В качестве примера из английской судебной практики можно привести дело Re L (children) [2012] EWCA Civ 721⁷. В указанном деле ответчик подал апелляционную жалобу на судебный приказ, обеспечивающий порядок пользования собственностью. Ответчик и его жена являлись родителями двух восьмилетних близнецов. Когда супруги расстались, у них возникли споры, некоторые из которых были зафиксированы, вследствие чего судья установил, что разногласия отрицательно влияли на близнецов и нанесли значительный эмоциональный вред. Вышеуказанный судебный приказ в соответствии с разделом 33 Закона о семейном праве 1996 г. был издан на трехмесячный период, при этом ответчику требовалось покинуть семейный дом.

Еще одним примером использования английскими судьями обеспечительных мер в виде вынесения приказа an occupation order является дело Grubb v Grubb [2009] EWCA Civ 976 (Case No: B4/2009/1803)⁸. В данном деле в отношении супруга был вынесен приказ, который состоял в том, что муж должен был освободить совместный дом.

Таким образом, an occupation order направлен на защиту заявителя, который может по закону и не обладать правом собственности на имущество. Порой это очень важно, например, в случаях, когда жена, не владея никакой собственностью в отличие от мужа, может просто оказаться на улице вместе с ребенком.

Подобная конструкция, защищающая члена семьи, не являющегося собственником жилья, есть и в нашем законодательстве, когда суд сохраняет за таким лицом права пользования жилым помещением на определенный срок на основании ч. 4 ст. 31 ЖК РФ.

⁵ Определение Ленинградского областного суда от 15 мая 2013 г. № 33-2297/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Family Law Act 1996. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/27/section/30#commentary-c20994871> (дата обращения: 05.12.2019).

⁷ Re L (children) [2012] EWCA Civ 721. URL: <https://www.familylawhub.co.uk/default.aspx?i=ce1901> (дата обращения: 05.12.2019).

⁸ Grubb v Grubb [2009] EWCA Civ 976. URL: <http://www.thecustodyminefield.com/flapp/caselaw/2009-ewca-civ-976.html> (дата обращения: 06.12.2019).

Так, например, бывшей супруге и несовершеннолетним детям было оставлено по решению суда право пользования добрачной квартирой отца и бывшего мужа на срок два года после расторжения брака, а затем бывшая жена должна была сняться с регистрационного учета и подлежала выселению. По истечении двух лет бывшая супруга подала иск с просьбой продлить срок пользования квартирой еще на 10 лет, до 2017 г., поскольку ее имущественное положение не позволяет ни купить, ни арендовать жилье, да и несовершеннолетним детям территориально удобно жить в квартире отца, а по решению суда местожительство детей определено с матерью. Суд учел имущественное положение сторон и тот факт, что собственник выполняет алиментные обязательства по отношению к детям, которые проживают с матерью, удовлетворив иск бывшей супруги⁹.

В подробных делах российские суды исходят из баланса интересов сторон, учитывая возможность совместного проживания собственника и бывшего члена семьи и другие заслуживающие внимания обстоятельства. Например, суд учел небольшую жилую площадь в 23 кв. м и профессию бывшей жены, которая была бухгалтером по налобообложению, отказав в продлении срока пользования квартирой до совершеннолетия дочери, а именно на срок девять лет, предоставив лишь год¹⁰. Если проанализировать практику судов по вопросу предоставления срока пользования бывшим членом семьи жилого помещения¹¹, то можно увидеть, что обычно суды дают право пользования спорным жилым помещением на срок один год с последующим выселением, этого времени достаточно, чтобы найти работу, арендовать жилье.

Таким образом, и английское, и российское законодательство одинаково руководствуется интересами детей и бывших членов семьи при решении вопроса о сохранении их прав пользования жильем. Разница в том, что российское семейное законодательство не содержит обеспечительных мер. Т.Б. Юсупов отмечает, что «значение

обеспечительных механизмов в правоприменительной практике зарубежных государств крайне велико, однако и российское судопроизводство по гражданским делам все чаще и чаще начинает использовать тот ресурс, который заложен в институте обеспечения иска»¹², в связи с чем предлагаем укрепить российское семейное законодательство обеспечительными мерами.

Положение о правах бывших членов семьи содержится в жилищном законодательстве, и нет единообразия в толковании судами правовых норм, позиция Верховного Суда РФ в отношении прав несовершеннолетних детей на жилье родителей после расторжения брака меняется. Так, раньше ребенок подлежал выселению с бывшим членом семьи из квартиры родителя-собственника, если местожительство ребенка не определено с родителем-собственником жилья¹³, затем в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса РФ», в п. 14, — уже прямо противоположное мнение: «...прекращение семейных отношений между родителями несовершеннолетнего ребенка, проживающего в жилом помещении, находящемся в собственности одного из родителей, не влечет за собой утрату ребенком права пользования жилым помещением». Обеспечение несовершеннолетнего ребенка жильем — социально острый вопрос, именно поэтому Семейный кодекс РФ был дополнен пунктом, который в народе назвали «жилищные алименты», о несении дополнительных расходов для оплаты жилья, если таковое отсутствует у ребенка¹⁴.

Следующее различие — это срок, который суд считает разумным и достаточным для решения жилищного вопроса: английский суды каждый раз дают время на 6 месяцев, а российский суд, применяя чаще всего срок 1 год, тем не менее может сразу вынести решение на срок до совершеннолетия детей. Для единообразной судебной практики желательны закрепить срок 1 год законодательно, как это сделано в английском законодательстве и как это было в проекте ЖК РФ.

⁹ Апелляционное определение от 16 октября 2018 г. № 33-45002/2018 Московского городского суда // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Апелляционное определение Московского городского суда от 28 июля 2017 г. по делу № 33-29618/17 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 18 июля 2018 г. по делу № 33-11730/2018 ; Апелляционное определение Московского городского суда от 12 января 2018 г. по делу № 33-224 ; Апелляционное определение Московского городского суда от 28 августа 2019 г. по делу № 33-38684 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Юсупов Т.Б. Обеспечение иска в арбитражном и гражданском процессе. М. : Городец, 2006. С. 4.

¹³ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 23 ноября 2005 г. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2005 года» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Федеральный закон от 6 февраля 2020 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений в статью 86 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Бабкин А. Обеспечение иска / А. Бабкин, М. Юков // Советская юстиция. 1975. № 16. С. 17.
2. Гражданское процессуальное законодательство: Комментарий / под редакцией М.К. Юкова. Москва : Юридическая литература, 1991. 717 с.
3. Юсупов Т.Б. Обеспечение иска в арбитражном и гражданском процессе / Т.Б. Юсупов. Москва : Городец, 2006. 224. с.

К вопросу об обеспечении жилым помещением несовершеннолетнего ребенка при расторжении брака

Трачук Оксана Витальевна,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук
tracuc@mail.ru

В статье автором анализируются положения семейного и жилищного законодательства России, связанные с механизмами защиты жилищных прав несовершеннолетнего ребенка при расторжении брака, с учетом сложившейся судебной практики и предлагаемых законодательных инициатив в сфере алиментирования.

Ключевые слова: несовершеннолетний ребенок, жилое помещение, право пользования жилым помещением, дополнительные расходы, семейное законодательство, жилищное законодательство.

On Provision of a Residential Premise to a Minor Child upon Marriage Dissolution

Trachuk Oksana V.
Associate Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law
of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)
PhD (Law)

In the article, the author analyzes the provisions of family and housing legislation in Russia related to the mechanisms for protecting the housing rights of a minor child in the event of divorce, taking into account current judicial practice and proposed legislative initiatives in the field of alimony.

Keywords: minor child, residential premises, right to use residential premises, additional expenses, family legislation, housing legislation.

Одной из важнейших задач государства является создание механизмов поддержки семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, посредством совершенствования законодательного регулирования в части обеспечения прав несовершеннолетних детей на жилое помещение при расторжении брака в рамках реализации Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р¹. К большому сожалению, статистические данные по расторжению браков в России за последние годы показывают достаточно печальные результаты. Так, в соответствии с данными Росстата по состоянию на 2017 г., количество заключенных браков в России составило 1049 735 и в тот же период пришли к решению о расторжении брака 611 436 пар². Похожая динамика расторжения браков

прослеживается и за последние два года. В связи с чем вопросам реализации жилищных прав несовершеннолетних детей при расторжении брака в настоящее время законодателем и научным сообществом уделяется все больше внимание³.

Право на жилище – одно из важнейших гарантированных конституционных социально-экономических прав граждан России⁴. Как известно, каждый имеет право на жилище, которого не может быть лишен произвольно (ч. 1 ст. 40 Конституции РФ). Нормами семейного законодательства предусмотрено, что родители, осуществляя родительские права, призваны обеспечить интересы несовершеннолетних детей, являющиеся предметом основной

¹ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. // СЗ. РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

² URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_mai/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 20.01.2020).

³ Селиванова Е.С. Право несовершеннолетних детей на совместное проживание со своими родителями: вопросы реализации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 18–22; Папроцкая О. Права детей на жилье: что делать, если родители против // Жилищное право. 2019. № 11. С. 13–22; Ее же. Права детей на жилье: что делать, если родители против // Административное право. 2019. № 4. С. 31–36; Мыскин А.В. Жилищные права несовершеннолетних: неожиданные аспекты // Семейное и жилищное право. 2018. № 4. С. 38–42.

⁴ Головинчев Ю.И. Юридический аспект проблемы доступного и комфортного жилья в России // Социальное и пенсионное право. 2015. № 2. С. 42–47.

заботы их родителей (ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)). Вместе с тем родители несут ответственность за воспитание и развитие своих несовершеннолетних детей, они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном их развитии (п. 1 ст. 63 СК РФ). Отметим, что эти права несовершеннолетнего ребенка и обязанности его родителей сохраняются и после расторжения брака родителей ребенка.

Важно обратить внимание, что, возлагая определенные обязанности на родителей, законодатель использует такое понятие, как «интерес ребенка», однако ни гражданское, ни семейное законодательство не раскрывают данный термин. При этом, исходя из правоприменительной практики по делам об усыновлении, под интересами детей при усыновлении следует понимать создание благоприятных условий (как материального, так и морального характера) для их воспитания и всестороннего развития (п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей»)⁵. Данная категория неоднократно подвергалась анализу в научной литературе. Так, Ю.Ф. Беспалов указал, что интерес ребенка есть «надлежащее условие воспитания и создание системы условий для реализации прав ребенка»⁶. А.М. Нечаева отметила, что «под интересами несовершеннолетних следует понимать их потребность в благоприятных условиях своего развития»⁷. Очевидно, что понятие «интерес ребенка» является оценочным и может трактоваться различным образом, включая благоприятные условия для психического и физического развития детей. Для воспитания детей немаловажную роль зачастую играет создание благоприятных жилищных условий посредством обеспечения несовершеннолетнего ребенка жилым помещением (квартирой, жилым домом и др.) на постоянной основе и вне зависимости от того, что родители находятся в браке или в разводе.

Материальная поддержка несовершеннолетнего ребенка после расторжения брака родителей, прежде всего, выражается в выплате алиментов и дополнительных расходов на них (ст. 80, 81, 82, 83, 86 СК РФ). Исходя из положений абз. 1 п. 1 ст. 86 СК РФ, при отсутствии соглашения и при наличии исключительных обстоятельств (тяжелой болезни, увечья несовершеннолетних детей и других обстоятельств) каждый из родителей может быть привлечен судом к участию в несении дополнительных расходов, вызванных этими обстоятельствами.

Отметим, что указанные дополнительные расходы, по сути, являются особыми издержками, которые возникают лишь по причине особых обстоятельств, связанных с состоянием здоровья несовершеннолетних детей. О невозможности более широкого толкования данных расходов свидетельствует и правоприменительная практика. Так, согласно

абз. 2 п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» к таким обстоятельствам, например, относятся тяжелая болезнь, увечье несовершеннолетних детей, требующие, в частности, оплаты постороннего ухода за детьми, иных расходов, необходимых для излечения или поддержания здоровья детей, а также для их социальной адаптации и интеграции в общество (расходы на протезирование, приобретение лекарств, специальных средств для ухода, передвижения или обучения и т.п.).

Рассматриваемая нами правовая категория «дополнительные расходы» в семейном праве относится к одной из разновидностей алиментных платежей. Важно отметить, что институт алиментных обязательств существует в российском законодательстве достаточно давно и является одним из наиболее важных и развитых правовых институтов⁸.

В целях развития государственной семейной политики в настоящее время разработан проект федерального закона № 809049-7 «О внесении изменения в статью 86 Семейного кодекса Российской Федерации»⁹, согласно которому предлагается включить в перечень исключительных обстоятельств отсутствие у несовершеннолетнего ребенка и родителя, проживающего с ним, пригодного для постоянного проживания жилого помещения. Судя по всему, такие предлагаемые изменения в законодательство позволят суду в каждом случае оценивать ситуацию с учетом всех в совокупности обстоятельств.

В подтверждение вышеизложенного подчеркнем, что проблема обеспечения жильем помещением несовершеннолетних детей при расторжении брака существует, что подтверждается и судебной практикой. Исходя из многочисленных заявленных исковых требований на сегодняшний день, в основе которых заложена защита прав детей после расторжения брака, можно полагать, что дети остаются в большинстве случаев проживать с матерью. За последние 10 лет уже сформировалась судебная практика по вопросам отсутствия утраты права пользования ребенком жилым помещением, принадлежащим одному из родителей на праве собственности. При этом судами не принимаются во внимание доводы отца о проживании ребенка в другом жилом помещении с матерью¹⁰. Правоприменительные механизмы защиты жилищных прав ребенка при расторжении брака родителей базируются на следующих положениях жилищного законодательства. Так, исходя из смысла ст. 31 Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ)¹¹,

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Российская газета. 2006. 3 мая.

⁶ Беспалов Ю.Ф. Некоторые вопросы реализации семейных прав ребенка (теория и практика). Владимир, 2001. С. 12.

⁷ Нечаева А.М. Споры о неделимом // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 15–18.

⁸ Трачук О.В. Анализ правовой позиции Конституционного Суда РФ в Постановлении от 1 февраля 2019 г. № 7-П о проверке конституционности подп. «п» п. 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей // Семейное и жилищное право. 2019. № 3. С. 15–17.

⁹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/809049-7> (дата обращения: 18.01.2020).
¹⁰ Апелляционное определение Московского городского суда от 16 февраля 2016 г. по делу № 33-5516/2016 ; Апелляционное определение Московского городского суда от 24 сентября 2015 г. по делу № 33-35160/2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Жилищный кодекс РФ от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

в которой содержатся нормы о правах и обязанностях граждан, проживающих совместно с собственником в принадлежащем ему жилом помещении, ребенок является членом семьи собственника жилого помещения и после расторжения брака его родителей. Формируя указанную позицию, суды руководствуются разъяснениями Верховного Суда РФ, изложенными в п. 14 Постановления Пленума от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации»¹² (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 14), согласно которому в силу положений СК РФ об ответственности родителей за воспитание и развитие своих детей, их обязанности заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии расторжение брака родителей, признание его недействительным или раздельное проживание родителей не влияют на права ребенка (п. 1 ст. 55, п. 1 ст. 63 СК РФ), в том числе на жилищные права.

Таким образом, лишение несовершеннолетнего ребенка права пользования жилым помещением одного из родителей, являющегося собственником этого помещения, может повлечь нарушение его жилищных прав.

Между тем после расторжения брака при отсутствии соглашения между собственником спорной квартиры по общему правилу второй родитель не обладает безусловным правом пользоваться таким жилым помещением наряду с ребенком, поскольку имеет статус бывшего члена семьи собственника жилья (ч. 4 ст. 31 ЖК РФ). При этом к исключениям в данном случае могут относиться отсутствие жилого помещения на каком-либо вещном праве и наличие материальных трудностей, не позволяющих приобрести жилое помещение, состояние здоровья, временная нетрудоспособность и т.д. (п. 15 Постановления Пленума ВС РФ № 14). В таком случае в целях обеспечения баланса интересов сторон спорного правоотношения суд, исходя из положений ч. 4 ст. 31 ЖК РФ, может решить вопрос о возможности сохранения за бывшим членом семьи права пользования жилым помещением на определенный срок¹³. В связи с чем возникает вопрос: а каким образом возможно несовершеннолетнему ребенку проживать отдельно

от родителя? Ведь ни для кого не секрет, что при расторжении брака из-за конфликтных ситуаций зачастую бывшие супруги не могут совместно проживать. В свою очередь такое положение дел повлечет дополнительную материальную нагрузку на родителя, с которым проживает ребенок, а механизмы взыскания этих расходов, как уже ранее отмечалось нами, в рамках действующего законодательства не предусмотрены. На наш взгляд, разновидность дополнительных расходов, возложенных на родителя, проживающего от ребенка отдельно, будет зависеть от следующих юридически значимых обстоятельств, принимаемых во внимание судами. Во-первых, непосредственно само материальное положение родителя, с которым после развода остается ребенок. Во-вторых, на каком вещном праве находится жилое помещение родителя, от этого в большей степени и будет зависеть определение расходов, связанных с бременем содержания жилой недвижимости. Между тем в случае невозможности нести расходы по содержанию имущества родителем в силу отпуска по уходу за ребенком по состоянию здоровья и т.п. суд может обязать второго родителя с учетом всех обстоятельств дела компенсировать затраты на коммунальные услуги, ремонт и т.д. Думается, такая ситуация может сложиться при возмещении затрат на жилое помещение, приобретенное родителем в будущем после расторжения брака, например, по договорам долевого участия в строительстве и об ипотеке. Сюда же можно отнести погашение затрат по договору коммерческого найма жилого помещения. Однако надо полагать, что трудности могут возникнуть непосредственно с реализацией механизма взыскания данных дополнительных расходов в случаях отсутствия материальной возможности у родителя компенсировать расходы, направленные на обеспечение жилым помещением несовершеннолетнего ребенка.

В заключение хотелось бы отметить развитие положительных тенденций, направленных на защиту жилищных прав детей после расторжения брака, поскольку, будучи несовершеннолетним, в силу возраста ребенок самостоятельно не может реализовать свое право пользования жилым помещением в случае раздельного проживания его родителей. На наш взгляд, предлагаемые законодательные инициативы являются важным шагом в правовом регулировании сферы алиментирования и тем самым обеспечат гарантированность одного из основных конституционных социально-экономических прав ребенка на обеспечение его жилым помещением при расторжении брака родителей.

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 8 июля.

¹³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 12.

Литература

1. Беспалов Ю.Ф. Некоторые вопросы реализации семейных прав ребенка (теория и практика) / Ю.Ф. Беспалов. Владимир : Владимирской государственной педагогической ун-т, 2001. 121 с.
2. Головичев Ю.И. Юридический аспект проблемы доступного и комфортного жилья в России / Ю.И. Головичев // Социальное и пенсионное право. 2015. № 2. С. 42–47.
3. Мыскин А.В. Жилищные права несовершеннолетних: неожиданные аспекты / А.В. Мыскин // Семейное и жилищное право. 2018. № 4. С. 38–42.
4. Нечаева А.М. Споры о неделимом / А.М. Нечаева // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 15–18.
5. Папроцкая О. Права детей на жилье: что делать, если родители против / О. Папроцкая // Жилищное право. 2019. № 11. С. 13–22.
6. Папроцкая О. Права детей на жилье: что делать, если родители против / О. Папроцкая // Административное право. 2019. № 4. С. 31–36.
7. Селиванова Е.С. Право несовершеннолетних детей на совместное проживание со своими родителями: вопросы реализации / Е.С. Селиванова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 18–22.
8. Трачук О.В. Анализ правовой позиции Конституционного Суда РФ в Постановлении от 1 февраля 2019 г. № 7-П о проверке конституционности подп. «п» п. 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей / О.В. Трачук // Семейное и жилищное право. 2019. № 3. С. 15–17.

Жилое помещение как объект выморочного наследства

Ходырева Екатерина Александровна,
доцент кафедры гражданского права Удмуртского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
eay.07@mail.ru

В заявленной автором статье на основе анализа законодательства и судебной практики сделан вывод о необходимости изменения ст. 1151 ГК РФ. Установление в законе единственного способа распоряжения выморочным жилым помещением — зачисление в жилищный фонд социального использования — ограничивает права публичного собственника в части распоряжения собственным имуществом. Более того, приобретение в порядке выморочности доли в праве собственности на жилое помещение порождает спорные вопросы защиты прав сособственника, желающего стать единоличным собственником жилого помещения. Сделан вывод о необходимости установления преимущественного права, посредством реализации которого сособственник сможет требовать признания права собственности в судебном порядке. В связи с реализацией завещателем правомочия по лишению наследства (ст. 1119 ГК РФ) аргументирована мысль о невозможности его применения к наследникам выморочного имущества и о необходимости размещения норм о выморочном наследстве в главе 64 ГК РФ «Приобретение наследства».

Ключевые слова: наследование, выморочное имущество, доля, общая собственность, выкуп.

A Residential Premise as an Object of Escheated Estate

Khodyreva Ekaterina A.
Associate Professor of the Department of Civil Law of the Udmurt State University
PhD (Law), Associate Professor

Based on the analysis of legislation and judicial practice, the article stated by the author concludes that it is necessary to amend Article 1151 of the Civil Code of the Russian Federation. The establishment in the law of the only way to dispose of an escheated dwelling — admission to the housing fund for social use — restricts the rights of the public owner regarding the disposal of his own property. Moreover, the acquisition in the order of escheatism of a share in the right of ownership of a living room raises controversial issues of protecting the rights of the co-owner who wants to become the sole owner of the living space. It is concluded that it is necessary to establish the category of "preemptive right", through the implementation of which the co-owner will be able to demand the recognition of the right of ownership in court. In connection with the exercise by the testator of the power to deprive of an inheritance (Article 1119 of the Civil Code of the Russian Federation), the idea of the impossibility of applying it to the heirs of an escheated property and the need to place norms for an escheated inheritance in Chapter 64 of the Civil Code of the Russian Federation "Acquisition of an inheritance" is argued.

Keywords: inheritance, escheat, share, common property, repurchase.

Институт выморочного наследства не является новым для российского законодательства. Оживленные споры о правовой природе прав на выморочное имущество наблюдались в доктрине еще с дореволюционных времен и не заканчиваются по сегодняшний день. Однако получение выморочного имущества не считалось исключительной прерогативой государственной казны. По нормам Свода законов Российской империи (ст. 1167–1183)¹ отдельные оставшиеся без наследников объекты обращались в пользу «различных заведений и ведомств, сословий и учреждений»². Так, например, выморочное имущество, оставшееся после смерти членов Университета и чиновников учебного ведомства, обращалось в пользу тех учебных заведений, при которых состояли умершие (ст. 1168 Свода законов Российской империи, том X).

Вообще приобретение публичным собственником имущества умершего гражданина следует расценивать как исключительный акт проявления заботы и интереса по отношению к имуществу частного собственника. История развития института наследования показывает, что изначально имущество умершего было свободно для завладения любого и каждого. Положение изменилось, когда возникла «патриархальная семья и на ее основе патриархальный род»³. Лицо, завладевшее имуществом, должно было стать не только обладателем имущества, но и главой рода и семьи. Но даже с появлением в дальнейшем государственности не сразу возникла идея о наделении государства имуществом умершего гражданина. История римского права показывает, что *bonum vacans* делалось бесхозным, а значит, всякий мог на правах наследника приобрести его в собственность. Но в период императора

¹ Свод законов Российской империи. Т. X. URL: <https://civil.consultant.ru/ reprint/books> (дата обращения: 05.12.2019).

² Синайский В.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. С. 579.

³ Покровский И.А. История римского права. Минск: Харвест, 2002. С. 459.

Августа Lex Julia et Papia Poppaea было объявлено, «что bona vacantia принадлежит фиску»⁴. Следовательно, заботу о бесхозном имуществе, оставшемся без наследников, принимал на себя публичный собственник. Идея римского права о выморочном имуществе легла в основу законодательства ряда стран и поддерживается до сих пор. Так, например, § 1936 ГГУ определяет право государства на наследование по закону, если к моменту открытия наследства у наследодателя не осталось ни родственников, ни супруга или партнера⁵. Аналогичное правило содержится в § 760 Всеобщего гражданского кодекса Австрии: «...если не имеется ни одного лица, уполномоченного на наследование, или если никто не принял наследства, то наследственная масса как выморочное имущество становится собственностью государства»⁶.

Среди недвижимых объектов выморочного наследства, переходящих в собственность муниципальных образований или городов федерального значения, выделяются жилые помещения, так как в отношении них определено назначение их использования, а именно зачисление в жилищный фонд социального использования. Наличие такого предназначения указывает на необходимость учета интересов неопределенного круга лиц и обеспечения жильем социально незащищенных категорий населения, нуждающихся в предоставлении жилых помещений. Возможность иного использования выморочного жилого помещения закон не предусматривает.

Но всегда ли целесообразно отдавать приоритет защите «общественного интереса»? Зачастую встречаются примеры того, когда у гражданина не осталось наследников, но совместно с ним в жилом помещении проживали лица, которые были участниками общей собственности и желают стать единоличными собственниками спорной квартиры. Типичный случай: Зинкова С.А. обратилась в суд с иском к Администрации Ленинск-Кузнецкого городского округа о присуждении компенсации за доли в выморочном имуществе. Требования мотивированы тем, что ей на основании договора дарения принадлежат доли в праве общей долевой собственности на жилой дом и земельный участок. Остальные доли в указанном имуществе принадлежали умершей, после смерти которой наследники по закону и завещанию отсутствуют. Все расходы по содержанию имущества несла истица, право собственности за муниципалитетом не зарегистрировано. Ее заявление о выкупе доли жилого дома, доли земельного участка ответчиком не рассмотрено, в связи с чем она и обратилась в суд. Суд отказал в иске, ссылаясь на п. 4 ст. 252 ГК РФ, где только незначительность доли и отсутствие существенного интереса являются условиями получения компенсации⁷. В другом случае при применении ст. 252

ГК РФ суд проанализировал дополнительные обстоятельства: пользуется ли спорным объектом истец, имеются ли у него иные возможности обеспечения потребности в жилье, обращался ли он с просьбой к ответчику о досудебном разделе спорного имущества⁸.

Возможность удовлетворения заявленного сособственником в подобных ситуациях иска в порядке ст. 234 ГК РФ о признании права собственности в порядке приобретательной давности вызывает у суда вопросы: можно ли считать владение вещью добросовестным? Имеет ли значение бездействие и его длительность со стороны органа публичной власти, не предпринимающего действий по оформлению выморочного наследства? Надо ли учитывать несение сособственником расходов по содержанию всего общего имущества? Как правило, требование сособственника оставалось без удовлетворения по причине отсутствия признака добросовестности владения вещью, а значит, всем другим фактам юридического значения не придавалось⁹. Налицо конфликт частного и публичного интереса, решить который нормами объективного права невозможно. По мнению С.В. Михайлова, при ответе на вопрос: какой интерес должен получить судебную защиту, необходимо руководствоваться разумностью и добросовестностью участников и только суд вправе ограничить реализацию частного интереса в пользу публичного интереса. О такого рода справедливом ограничении реализации публичного интереса в последнее время стал говорить Верховный Суд РФ. Так, по одному из дел о признании права собственности в связи с выморочностью определенной доли в жилом помещении было указано, что «в связи с длительным бездействием публично-правового образования как участника гражданского оборота, не оформившего в разумный срок право собственности на названное имущество, для физического лица не должна исключаться возможность приобретения такого имущества по основанию, предусмотренному ст. 234 ГК РФ»¹⁰. «В этом случае для признания давностного владения добросовестным достаточно установить, что гражданин осуществлял вместо публично-правового образования его права и обязанности, связанные с владением и пользованием названным имуществом, что обуславливалось состоянием длительной неопределенности правового положения имущества. Иное толкование понятия добросовестности владения привело бы к нарушению баланса прав участников гражданского оборота и несоответствию судебных процедур целям эффективности»¹¹.

Как представляется, поводом к изменению ситуации стало Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2017 г. № 16-П, которым был установлен запрет на вин-

⁴ Там же. С. 482.

⁵ Гражданское уложение Германии от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013) // Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотролик Медиа, 2015. С. VIII–XIX, 1–715.

⁶ Всеобщий гражданский кодекс Австрии от 1 июня 1811 г. (с изм. и доп. по состоянию на 27.07.2010) // Всеобщий гражданский кодекс Австрии. М.: Инфотролик Медиа, 2011. С. 3–261.

⁷ Решение Ленинск-Кузнецкого городского суда Кемеровской области от 28 июня 2016 г. по делу № 2-2687/2016. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.12.2019).

⁸ Апелляционное определение Самарского областного суда от 23 ноября 2016 г. по делу № 33-15039/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 18 ноября 2016 г. по делу № 33-45582/2016; Определение Приморского краевого суда от 9 июня 2015 г. по делу № 33-4679/2015; Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 1 июля 2016 г. по делу № 33-4800/2016; Определение Приморского краевого суда от 9 июня 2015 г. по делу № 33-4679/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Определение Верховного Суда РФ от 31 июля 2018 г. № 81-КГ18-15 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Определение Верховного Суда РФ от 18 июля 2017 г. № 5-КГ17-76 // СПС «КонсультантПлюс».

дикацию жилых помещений от возмездных добросовестных приобретателей в том случае, когда имущество выбыло из владения наследника выморочного имущества¹². При этом сам публичный собственник долгое время не проявлял интереса к приобретению выморочного жилья и допустил его неправомерное выбытие из собственного владения. Между тем «публично-правовое образование, наделенное полномочиями по учету имущества, регистрации граждан, а также регистрирующее акты гражданского состояния, включая регистрацию смерти граждан, должно и могло знать о выморочном имуществе»¹³, а значит, должно проявлять интерес к приобретению выморочного наследства, своевременно заявлять о своих правах на имущество, в том числе путем предъявления исков об истребовании имущества.

Альтернативой применения ст. 234 ГК РФ в подобных случаях, когда выморочной становится лишь доля в общем имуществе, могла бы стать конструкция преимущественного права, предоставляющая сособственнику возможность выкупить долю по кадастровой стоимости объекта. Реализация преимущественного права, предоставленного сособственнику доли, ставила бы сособственника в приоритетное положение перед наследником выморочного имущества. С точки зрения подхода о «рачительном хозяине» частный собственник более заинтересован в обладании имуществом. Поэтому, с одной стороны, наследник выморочного имущества получает денежные средства за выкуп доли в счет реализации преимущественного права. С другой стороны, сособственник доли получает возможность стать собственником всей вещи или возможность увеличить свою долю, если есть несколько сособственников, желающих выкупить долю. В последнем случае их доли увеличивались бы пропорционально первоначальному распределению долей.

При рассмотрении судом требования о выкупе доли, заявленного к наследнику выморочного жилого помещения, может возникнуть вопрос о правомерности применения норм ЖК РФ в части порядка предоставления освобожденных жилых помещений в коммунальной квартире. Так, в одном из дел суд по иску гражданина удовлетворил требование о заключении договора купли-продажи доли со ссылкой не на нормы о долевой собственности, а на ст. 59 ЖК РФ. Предметом спора была однокомнатная квартира, доля в праве собственности на которую принадлежала умершему и оставшемуся сособственнику. Суд с учетом требований ст. 59 ЖК РФ проанализировал, был ли гражданин признан малоимущим и составляет ли обеспеченность общей площадью жилого помещения менее нормы предоставления, и иск удовлетворил¹⁴. Но представляется в этом случае ошибочным использование правового режима комнат в коммунальной квартире. Применить ст. 59 ЖК РФ можно тогда, когда речь идет о

самостоятельном объекте договора социального найма – комната в квартире. Доля в праве собственности на жилое помещение не может быть предметом договора социального найма в силу закона¹⁵. Если же речь идет о части комнаты, которая не признается самостоятельным предметом договора, то нормы жилищного права применению не подлежат. Но субъект тем не менее не лишен возможности предъявить требования о приобретении доли выморочного имущества в порядке п. 4 ст. 252 ГК РФ¹⁶.

Таким образом, ст. 1151 ГК РФ не учитывает интерес сособственников в том случае, когда объектом наследования стала доля в праве собственности на выморочное жилое помещение. Включить в жилищный фонд социального использования долю в праве собственности невозможно, а значит установление единственного способа использования выморочных жилых помещений – включение в жилищный фонд социального использования – не соответствует правилам ст. 1151 ГК РФ. Это наводит на мысль о необходимости изменения этой нормы. Тем более что если в отношении жилых помещений законодатель указывает цель использования имущества, то этого не установлено в отношении иных объектов, перешедших в качестве выморочных к публично-правовым образованиям: земельных участков, денежных вкладов и т.п., что подчеркивает право собственника имущества (публично-правового образования) распорядиться ими по своему усмотрению с учетом соблюдения общественных и публичных интересов.

Государство и муниципальные образования становятся собственниками не только выморочного имущества, но и имущества, перешедшего к ним по завещанию или наследственному договору. Судьба имущества, полученного публично-правовым образованием по завещанию или по договору о наследовании, не должна отличаться от судьбы выморочного имущества, хотя законодатель не устанавливает в этом отношении каких-либо правил. Независимо от основания перехода имущества приобретаемые объекты должны служить общественным и публичным интересам, ибо в рамках осуществляемых государством или муниципальным образованием функций у них нет иного, собственного интереса. Следовательно, жилые помещения, полученные публично-правовым образованием на основании завещания или наследственного договора, также должны подчиняться целевому использованию, определяемому ст. 1151 ГК РФ.

Конструкция *ipso iure* в отношении выморочного имущества обязывает публично-правовые образования принять наследуемое имущество. Исполнение этой обязанности не зависит от значимости и ценности наследуемых объектов, соответствия их публичным интересам. Принимая на себя права и обязанности умершего наследодателя, государство или муниципальное образование должно принимать на себя бремя содержания имущества, предотвращая его порчу, разрушение и непреднамеренную утрату.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2017 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 5.

¹³ Определение Верховного Суда РФ от 20 марта 2018 г. № 5-КГ18-3 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Решение Московского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 19 апреля 2017 г. по делу № 2-169/2017. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.12.2019).

¹⁵ Определение Свердловского областного суда от 14 августа 2013 г. по делу № 33-9437/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 25 мая 2015 г. № 33-8443/2015 по делу № 2-155/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Однако здесь возникает вопрос о тех правовых средствах, которые могут использовать публичные собственники для достижения указанного результата. Как показывает практика, именно на этапе выявления и оформления прав на выморочное имущество возникают проблемы. Поэтому важно разработать такую систему выявления и учета выморочного имущества, которая позволила бы своевременно оформить права на такое имущество, вступив в его фактическое владение и пользование. Законом не установлен механизм взаимодействия между различными органами, не определены сроки выявления состояния выморочности наследства. Проблемным моментом является выявление состояния выморочности тогда, когда наследственного дела нотариусом не заводилось. В такой ситуации состояние выморочности имущества может проясниться благодаря информации от нотариусов, управляющих компаний, учреждений социальной защиты населения, прокуратуры, гаражных и садоводческих кооперативов и товариществ, от кредиторов, органов налоговой службы и других лиц или органов. Законом необходимо установить обязанность органов местного самоуправления при получении информации от заинтересованных лиц и организаций провести работу с тем видом имущества, по поводу которого сделано заявление, проверить информацию о факте смерти гражданина и факте открытия наследственного дела, в том числе благодаря Единому государственному реестру ЗАГС и открытому реестру наследственных дел на сайте ФНП. После чего предпринять меры к получению свидетельства о праве на наследство. В отношении жилых помещений и иного недвижимого имущества предварительно следует выяснить информацию о наличии прав на недвижимое имущество. Если выморочное имущество относится к категории движимого, то сообщить о факте поступления информации необходимо в ТУ Росимущества. Информация о начале процесса оформления объектов как выморочных может размещаться на официальном сайте муниципального образования в соответствующем разделе «Выморочное наследство».

С приобретением выморочного наследства связан вопрос: а можно ли предотвратить приобретение публично-правовым образованием выморочного имущества и лишить публичного собственника права наследования? Если мы признаем, что выморочное переходит в порядке наследования, то, стало быть, с одной стороны, наследники выморочного имущества в рамках ст. 1119 ГК РФ также могут быть лишены права наследования. С другой стороны, имущество не может оказаться ничейным в случае отсутствия наследников по завещанию, договору или по закону. Отсутствие у имущества собственника означало бы признание вещи бесхозяйной. В отношении бесхозяйных вещей необходимым было бы применение ст. 225 ГК РФ. Соблюдение установленных правил существенно

бы усложнило процесс передачи имущества умершего гражданина и не позволяло бы применять нормы о преемстве в отношении оставшихся у наследодателя обязательств. Поэтому установление правил ст. 1151 ГК РФ призвано защитить интересы кредиторов и упростить механизм получения имущества государственными или муниципальными образованиями, но это не решает первоначально сформулированного нами вопроса.

Если обратиться к истории развития норм о наследовании, то по ГК РСФСР 1922 г. в рамках свободы завещания завещатель мог лишить прав законного наследования одного, некоторых или всех лиц, указанных в ст. 418, в которой определялся круг лиц, имеющих право наследовать по закону и по завещанию. В этот круг не входило государство, наследственные права которого устанавливались в особом порядке (ст. 417, примечание к ст. 422 ГК РСФСР). По ГК РСФСР 1964 г. содержалось аналогичное положение о лишении по завещанию права наследования одного, нескольких или всех наследников по закону (ст. 534), перечень которых устанавливался в ст. 532 ГК РСФСР. Нормы о переходе имущества к государству структурно были расположены после оснований наследования (закон и завещание) и правилах принятия или отказа от наследства. Сама ст. 552 ГК РСФСР именовалась «Переход наследства к государству», чем подчеркивался особый характер приобретения выморочного имущества. Поэтому нормы о лишении права на государство не распространялись. В настоящее время ст. 1151 ГК РФ говорит уже о наследовании выморочного имущества, нормы о котором структурно расположены в главе 63 «Наследование по закону». В связи с этим законодатель подчеркивает, что переход имущества осуществляется не в каком-то особом порядке, как это было по нормам предшествующих Гражданских кодексов 1922 г. и 1964 г., а в порядке наследования, считая государственные и муниципальные образования наследниками по закону. Поэтому получается, что право лишения распространяется на любых наследников по закону, в том числе на государственные и муниципальные образования. Следует признать такое правовое регулирование не совсем удачным. Оно открывает путь для признания имущества бесхозяйным и не направлено на защиту интересов кредиторов. Более верным, на наш взгляд, было бы размещение норм о переходе выморочного имущества в главе 64 «Приобретение наследства», что бы подчеркивало особый характер приобретения публичными собственниками выморочного имущества, хотя и в порядке наследственного универсального правопреемства. При этом особый характер связан не только с необходимостью принятия наследства независимо от воли и вне сроков, установленных законом, но и с невозможностью лишения права на наследство по воле завещателя.

Литература

1. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве / С.В. Михайлов. Москва : Статут. 2002. 205 с.
2. Покровский И.А. История римского права / И.А. Покровский. Минск : Харвест, 2002. 528 с.
3. Синайский В.И. Русское гражданское право / В.И. Синайский. Москва : Статут. 2002. 638 с.